

Михаил Полищук

Взывая из бездны
De profundis clamat

Михаил Полищук

**Взывая из бездны.
De profundis clamat**

«Прогресс-Традиция»

2017

УДК 179
ББК 87.6

Полищук М. Л.

Взывая из бездны. De profundis clamat / М. Л. Полищук —
«Прогресс-Традиция», 2017

ISBN 978-5-89826-492-5

Книга доктора философских наук, профессора Полищука М. Л. «De profundis clamat» («Взывает из Бездны») – продолжение исследования проблемы, которая находится в центре рассмотрения и в предыдущих книгах автора: «В преддверии натиска «Третьей волны...» и «Великое вопрошание. Философия на весах истории». В этих книгах речь идет о вызовах, с которыми столкнулся современный мир в результате тектонических сдвигов цивилизации, наметившихся на пороге XIX–XX веков, эпицентром которых оказалась наиболее продвинутая в цивилизационном смысле Европа. Своеобразным символом, демонстрирующим пагубную сторону этих сдвигов, может служить Освенцим, разверзший перед потрясенным сознанием морально травмированного человечества врата, за порогом которых предстала зияющая бездна ужаса, куда устремились лелеемые тысячелетиями ценности горделивой цивилизации. Автор полагает, что знакомство и сохранение памяти о случившейся катастрофе должно помочь современным поколениям лучше понять опасность вызовов, которые таятся в неограниченной моральными скрепами человеческой природе и в абсолютной власти, и удержит их от искушений создавать себе ложные кумиры и слепо следовать за их завиральными идеями и заманчивыми посулами, которыми, как известно, вымощена дорога в ад.

УДК 179
ББК 87.6

ISBN 978-5-89826-492-5

© Полищук М. Л., 2017
© Прогресс-Традиция, 2017

Содержание

Ровесникам моего внука	10
«Не убий!»	10
Введение	12
«Люди, умеющие убивать...»	12
Сова Минервы	14
Взгляд с далекого расстояния	15
В начале было Слово...	16
Memento!	17
Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии СССР	18
Глава I	19
Туристы в крематории	21
Из интервью Сергея Лозницы	22
Мир не поверит...	23
«Книга сожженных»	24
Глава II	25
Иногда рукописи воистину не горят	26
Голоса из преисподней	27
Доброе утро (!)	29
Глава III	30
Из протоколов допроса	31
«Я помогал уничтожать невинных...»	33
Глава IV	34
Мысли о немыслимом	35
По долгу «службы»	36
У порога красной черты	37
Кровавое озарение	38
Глава V	39
Мир «не забыл» (!)	40
«Поиграем» в еврея...	41
Известно...	42
Безумие госпожи Шехтер	43
«Да возвеличится и святится имя Его...»	44
Фани и Клара	46
«Рожать детей – нелепо...»	48
Глава VI	49
«Директор» Программы уничтожения	50
«Так точно! Да!»	51
Абсолютно нормален (!)	52
«Здесь хочу жить и здесь мечтаю умереть...»	53
Не лошастью единой...	54
За дверью заветной камеры	56
Всадник апокалипсиса	58
Ничего личного	60
Информация к размышлению	61
Глава VII	62
В поисках технического решения	64

«Щадящее» обращение	66
«Торопитесь, господа, еда и кофе стынут» (!)	67
Глава VIII	68
Quo vadis? (Куда идешь?)	69
Под защитой «страхового полиса»...	70
«Имеющий уши да услышит...»	71
Безответное вопрошание	72
Жеребцы липицианской породы	75
Триумфальная арка	76
Под звуки литавр в соль миноре...	77
Мистерия «четвертого Рима»	78
Глава IX	79
В поте лица	80
Печи крематория в «облегченном варианте...»	81
Из протокола допроса Ф. Зандера	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Михаил Полищук

Взывая из бездны. De profundis clamat

Моему внуку Илье и его ровесникам

*...И я увидел звезду, падающую на землю, и дан был ей ключ от
кладеза бездны. Она отворила кладез бездны, и вышел дым из большой
печи, и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладеза...*

Откровение Иоанна Богослова. 9: 1–2

*Бездна, согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова, – «пропасть
неизмеримой глубины».*

*– Мне стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежал...*

М. Лермонтов

Что, если бездна не вокруг нас и не внутри нас – мы и есть бездна?
Эдмунд Рид

© М. Л. Полищук, автор, 2017

© Г. Ваншенкина, 2017

© Прогресс-Традиция, 2017

* * *

В житейском смысле бездной зачастую хочется назвать насилие, убийства, издевательства, катастрофы и прочие страшные вещи, которые сопровождают нас в повседневной жизни. Нормальный человек стремится отстранить себя от этих кошмаров. При этом он не может себе вообразить, что такое случится с ним, либо даже он сам окажется в роли насильника либо убийцы.

Согласно древнегреческой мифологии, врата бездны – Тартара (древнегреч. Τάρταρος) – вход в подземное царство Аида, куда после титаномехии, битвы богов-олимпийцев, Зевс низвергнул поверженных противников – Кроноса (древнегреч. бог, символизирующий время) и титанов. Вход в бездну стерегут чудовища – сторукие исполины Гекатонхейры, дети Урана (свергнутого с престола бога неба).

На протяжении жизни перед нами зачастую распахиваются какие-то ворота, за порогами которых неведомо кто и что нас ожидает.

Во многих культурах ворота символизируют не просто вход в ограниченное пространство, но своеобразный порог, перешагивая через который, ты оказываешься в неведомом универсуме, окруженном таинственной силой.

Прохождение через подобные ворота, наделяемые статусом «святых врат», сопровождается особым ритуалом, свидетельствующим о восхождении к новой реальности, о движении к новой ступени непознанного.

В храмах ворота символизируют не только непосредственный вход в помещение, но – тайную скрытую за ними высшую силу.

Христианская символика ворот ориентируется на высказывание Иисуса о самом себе в Евангелии от Иоанна (10,9): «*Я есмь дверь: кто войдет со мною, тот спасется...*»

Службу стража небесных врат согласно Евангелию несет апостол Петр:

«Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного...» (От Матфея. 16:18–19).

В воображении автора «Божественной комедии» врата Ада увенчаны устрашающей надписью «*Lasciate ogni speranza voi qu'entrate*» («*Оставьте, входящие сюда, всякую надежду*»), за которыми ангел с обнаженным и блестящим мечом встречает грешников у входа в Чистилище, с помощью острия которого на лбу каждого из них наносится семь Р – семь «рессато» (итал. рессато – грех), каждый из которых очищается в одном из семи кругов Ада.

В бытовом восприятии ворота – дверь, которая, по определению английского писателя-мистика Алджернона Блеквуда, – «самый значительный элемент дома, – ее открывают и закрывают, в нее стучат, закрывают на замок. Она – порог, граница. Если ее перешагивают при входе или выходе, то вступают в другие жизненные условия, в другое состояние сознания...»

Перед потрясенным сознанием морально травмированного человечества XX века разверзлись врата Освенцима, за порогом которых предстала зияющая бездна ужаса, куда устремились лелеемые тысячелетиями ценности горделивой цивилизации.

Ровесникам моего внука

«Не убий!»

Размышление о насилии и об идеологических скрепах, толкающих за грань человеческого.

Ровесникам моего внука Ильи – поколению молодому, незнакомому, так не похожему на поколение отцов и дедов, последние могикане которого в растерянности перед своими потомками.

Пытаюсь понять их поведение, постичь их видение мира, сформированное под влиянием виртуальной реальности гаджетов, – в надежде наладить какой-то контакт с ними, позволяющий сохранить связь времен.

Впрочем, отдаю себе отчет – проблема недопонимания между отцами и детьми, вырастающая порой до противостояния между поколениями, – вовсе не уникальное событие в истории народов и цивилизаций.

Одно из своих выступлений перед общим собранием Медицинского общества города Дортмунда (Англия) доктор Рональд Гибсон предварил четырьмя цитатами:

«Наша молодежь любит роскошь, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие».

«Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления – ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна».

«Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушают своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далеко».

«Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру».

После того как часть аудитории разразилась аплодисментами, доктор Гибсон открыл имена авторов цитат:

Первая заимствована у Сократа (пятый век до нашей эры); вторая у Гесиода (ок. 720 года до нашей эры); третья – изречение египетского жреца (примерно 2000 лет до нашей эры); четвертая обнаружена сравнительно недавно на глиняном сосуде, найденном среди развалин Вавилона (свыше 3000 лет до нашей эры).

Отойдя от традиции, за которой стоят века и тысячелетия, откажусь от полных раздражения инвектив (обвинений) в адрес сошедших с «верного» пути поколений молодежи, чей образ жизни и прочие новации не находят понимания у предков.

Более того, попытаюсь передать ей нечто, как я полагаю, весьма важное из трагического опыта моего поколения, которое даст ей право с достаточной долей критичности отнестись к наследию предков и, не лишая радости от вкушения прелестей окружающего бытия, подтолкнет ее к более трезвому взгляду на реалии жизни, поможет повысить чувство личной ответственности за все, что происходит либо должно происходить в окружающем нас мире – за

принятые и предполагаемые решения, позволит лучше осознать свое место в нем, подтолкнет к поиску ответа на вечные вопрошания, сформулированные когда-то мудрецом Гиллелем – *«Если не я для себя, то кто же для меня? Если я только для себя, то зачем же я? Если не теперь, то когда же?»*.

Надеюсь также, что знакомство с этим непростым опытом поможет ей лучше понять опасность вызовов, которые таятся в не ограниченной моральными скрепами человеческой природе и в абсолютной власти, и удержит ее от искушений создавать себе ложные кумиры и слепо следовать за их завиральными идеями и заманчивыми посулами, которыми, как известно, вымощена дорога в ад.

Введение

«Люди, умеющие убивать...»

Максима «*Не убий!*» – нравственный абсолют. Озвучен, согласно библейскому преданию, в контексте Десяти заповедей (Синайского декалога), из уст Творца – шестая заповедь.

*А если упорствовать станешь ты:
Не дамся! Прежнему не бывать!
Неслышно явятся из темноты
Люди, умеющие убивать.*

Джеймс Клиффорд¹

Из всех нравственных норм, продекларированных Синайским декалогом, наиболее сложные отношения у цивилизации, каких бы уровней она ни достигала, складываются с максимальной «*Не убий!*».

Убивали всегда – убивали по тому или иному поводу, либо без всякого повода; убивали в силу традиций либо по случайному стечению обстоятельств; убивали тиранов, с тем чтобы на их место приходили более жестокие правители; убивали реформаторов, чтобы неповадно было другим покушаться на вековые устои и устоявшиеся догмы; убивали своих и чужих, знакомых и незнакомых; убивали в сражениях с противником либо с собственным народом; убивали идолопоклонники и те, кто поклонялся единому Богу; убивали те, кто ни во что не верил, и те, для кого свято звучала заповедь «*Не убий!*»; убивали за произнесенное слово либо за молчание; убивали во имя идеи либо

В общем, убивали по-разному и везде. Убивали, не особенно задумываясь, зачастую не ведая, что творят. Массовые убийства, войны, человек с ружьем либо с иным орудием смерти – предмет особой гордости, которую хранит историческая память народов, – ведущий лейтмотив мифологии, на которую опирается национальная идентификация. Количество отправленных к праотцам жертв зачастую выступает мерой величия, героизма предков; высота холма, сложенного из человеческих черепов, количество пепла от сожженных жертв, число обращенных в лагерную пыль тел – своеобразный апогей, открывающий пропуск на Олимп исторической славы.

К XX столетию не прерывающаяся веками традиция убивать обстоятельно озвучена в Логосе – убивать, повинувшись логике, убийство по соображениям идеологии:

«В былые наивные времена, когда тиран ради вящей славы сметал с лица земли целые города, когда прикованный к колеснице невольник брел по чужим праздничным улицам, когда пленника бросали на съедение хищникам, чтобы потешить толпу, тогда перед фактом столь простодушных злодейств совесть могла оставаться спокойной, а мысль – ясной. Но законы для рабов, оправдываемые любовью к человеку или тягой к сверхчеловеческому, такие явления в определенном смысле просто обезоруживают моральный суд. В новые времена, когда злой умысел рядится в одеяние невинности по странному

¹ Поэт, придуманный Владимиром Лифшицем из примитивного желания – завладеть чужим; убивали в припадке гнева либо по холодному расчету; убивали фанатики и вполне здравомыслящие особи; убивали по приказу либо по зову сердца; убивали потому, что просто хотелось убивать и т. д. и т. п.

извращению для нашей эпохи, именно невинность вынуждена оправдываться»
(Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 120–121).

В массовое сознание зачастую настоятельно вдалбливается мысль – убийство не только не грех, не преступление, но особая доблесть, диктуемая некими высшими соображениями, необходимость. Санкцией на реализацию подобной необходимости – на широкое применение практики убийств и террора – оказываются различного рода идеологические доктрины, носителями и выразителями которых зачастую являются *«безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака...»* (John Maynard Keynes. The General Theory of Employment. N. Y, 1964).

Царство Разума, возвещавшее некогда наступление эры Свободы, Равенства и Братства, сегодня, похоже, находится под смертельной угрозой мутировать в Царство Насилия и Террора.

Сова Минервы

Метафорическим символом философского духа для Гегеля служит пернатая посланница античной богини мудрости сова – птица, пробуждающаяся к жизненной активности с наступлением сумерек: *«Сова Минервы вылетает в сумерках»*.

Полет *«в сумерках»*, которого удостоивается философия, призван свидетельствовать о дистанцированности ее от реалий происходящего – о том, что плод ее мудрости является миру не в ослепляющих лучах света, не в моменты игры ярких красок наполненного бурной активностью и суетой дня, но на закате – в комфорте всеприглаживающей умиротворяющей мглы, когда то, что должно было свершиться, – уже свершилось, и ничего изменить нельзя, когда угасают страсти и природе остается лишь в глубоком раздумье писать «серым по серому».

«Что же касается поучения, каким мир должен быть, то к сказанному выше можно добавить, что для этого философия всегда приходит слишком поздно... Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (Гегель. Философия права. Предисловие).

Роль философии в качестве оратора на панихиде по усопшей действительности показала весьма удручающей для одного из учеников великого диалектика. Преисполненный юношеского энтузиазма и наивной веры в светлое будущее, он предлагает своему учителю совершить ребрендинг: сменить фирменный знак мудрости с совы на петуха – на птицу, чей предрассветный крик ассоциируется с пробуждением, с предстоящим восходом солнца, с зарождением нового витка жизни.

Как отнесся к этой идее Гегель – неизвестно.

P.S.: Сегодня, взглядываясь в произошедшее, мы вправе констатировать – сумерки XX столетия не отмечены полетом пернатой вестницы Минервы. Ушедший век не удостоился визита высокой гостии, избежав ее нелюбимого вердикта.

Возможно, покинуть насиженное гнездо птице сумерек помешал солидный возраст, либо в этом виновата экология – «парниковый эффект», начало которому положил вброс в атмосферу чрезвычайной дозы пепла заживо сожженных либо стертых в лагерную пыль миллионов ни в чем не повинных человеческих жертв. Не исключено, причина отложенного полета совершенно в другом – в непостижимости содеянного, в отсутствии у философии вразумительного ответа на вопиющие вопросы.

Взгляд с далекого расстояния

Мысленно отправим не рискнувшую посетить наш мир в минуты роковые нерасторопную посланницу мудрости подальше от Земли – на какую-нибудь планету с тем, чтобы предохранить ее от пагубных последствий загрязнений окружающей среды, в которой мы обитаем, и одновременно дать ей возможность созерцать происходящее в колыбели человечества изда-лека.

Думается, взору ее с нового ракурса откроется картина, во многом аналогичная той, которую рисует «бесстрастный наблюдатель» в мысленном эксперименте, блистательный знаток поведения в мире животных Конрад Лоренц:

«Предположим, что некий бесстрастный наблюдатель сидит на какой-нибудь другой планете, скажем, на Марсе, и наблюдает социальное поведение людей с помощью зрительной трубы, увеличение которой слишком мало, чтобы узнавать поведение отдельных людей и проследживать их индивидуальное поведение, но вполне достаточно, чтобы наблюдать такие крупные события, как переселение народов, битвы и т. п. Ему никогда не пришло бы в голову, что человеческое поведение направляется разумом, тем более ответственной моралью...

Предположим теперь, что наш наблюдатель-инопланетянин – опытный этолог... Тогда он неизбежно должен сделать вывод, что с человеческим обществом дело обстоит точно так же, как с обществом крыс, которые тоже социальны и миролюбивы внутри замкнутого клана, но суицие дьяволы по отношению к сородичу, не принадлежащему к их собственной партии» (Lorenz K. On Aggression. Toronto; N. Y; L., 1970. P. 228, 229).

Р.С.: Пока же посланница Минервы, от которой мы ожидаем услышать нечто важное, неизреченное, в растерянности созерцает обитель хомо сапиенс из неизвестного далека, идентифицируя человечество в виде некоего скопища масс, чье поведение роднит его со стаей хищных грызунов-крыс, попытаемся поразмышлять над уже состоявшейся действительностью в надежде поучаствовать в составлении досье, которое, возможно, будет иметь хоть какое-то значение при вынесения справедливого вердикта миру, творцами и жертвами которого являлись мы, наши родные и близкие.

В начале было Слово...

«Запомните навсегда: если кто-нибудь где-нибудь обещает вас убить – поверьте им. Не рассуждайте как мы тогда, перед Холокостом, что это у них политика такая, а сами они хорошие и милые люди, что они это просто так говорят. Когда они перейдут от слов к делу, будет уже поздно. Верьте тем, кто обещает вас убить... Никогда не успокаивайте себя тем, что говорят плохое, а думают хорошее» (из выступления бывшей узницы нацистских концлагерей перед школьниками).

Memento! **(Помни)**

Невзирая на все потрясения и разрушения, мы сегодня все время находимся под угрозой жить и мыслить так, будто ничего существенного не произошло. Как будто лишь большое несчастье подобно пожару нарушило нашу прекрасную жизнь, но теперь, претерпев это, можно жить по-прежнему. Как будто этого ничего не было.

Карл Ясперс. Философская вера (В кн. «Смысл и назначение истории»)

«Это, наверное, был голодный обморок. Когда я очнулся, в бараке никого не было, я осторожно выглянул на улицу. Толпы людей ходили из стороны в сторону. Это было не по правилам. Я испугался, особенно от того, что среди полосатых роб мне почудились люди в форме Красной Армии и при оружии», – вспоминает бывший узник Освенцима № 149568.

18 января 1945 года – этапирование всех, кто хоть как-то в состоянии передвигаться, узников Освенцима-Аушвица, ставшее для многих из них маршем смерти, в тыл Германии.

26 января 1945 года – приказ об уничтожении крематориев на территории лагеря и бегство эсэсовцев.

27 января 1945 года советские войска под командованием маршала Ивана Степановича Конева освобождают крупнейший нацистский концлагерь «Аушвиц», известный также, как Освенцим.

Вступивших на территорию почти пустого лагеря советских воинов встречало около трех тысяч изможденных, поддерживающих друг друга мужчин и женщин. Со слезами на глазах они слабо помахивали руками, приветствуя своих освободителей.

«Они были мало похожи на людей, – вспоминает Генрих Коптев, один из первых вошедших в лагерь. – Их кожа была такой тонкой, что просвечивали вены. На лице особенно выделялись глаза, потому что кожа вокруг усохла. Когда они вытягивали руки, то можно было видеть каждую косточку, суставы и сухожилия».

Согласно проведенным медицинским исследованиям, из 2819 освобожденных узников 2189 находились в стадии крайнего истощения и 223 – больны туберкулезом легких. Почти все узники страдали тяжелыми нервно-психическими расстройствами.

Поскольку большую часть лагерной документации немцы уничтожили – возникли сложности с подсчетом жертв Освенцима.

На Нюрнбергском процессе, согласно данным советской стороны, утверждалось, что «за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили не менее 4 млн человек».

Бывший комендант лагеря Рудольф Гесс² назвал число жертв 2,5 млн. Некоторые современные историки сходятся на более «скромной» цифре – 1,3 млн.

² Однофамилец одного из руководителей нацистской партии.

Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии СССР

На территории лагеря Освенцим имелось 35 специальных складов для вещей и одежды ограбленных узников, большинство из которых по прибытию в лагерь немедленно уничтожались. 29 из этих складов немцы перед отступлением сожгли вместе с находящимися там вещами.

В оставшихся шести складских помещениях обнаружено:

Мужской верхней и нижней одежды – 348 820 комплектов; женской верхней и нижней одежды – 836 255 комплектов.

Найдено большое количество детской одежды и атрибутики: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки, детские горшочки, незатейливые игрушки...

Наряду с предметами роскоши и различной домашней утварью на складе хранилось большое количество побывавших в употреблении зубных щеток, кисточек для бритья, очков, зубных протезов и других бытовых мелочей.

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря оставалось 293 запакованных тюков женских волос, подготовленных к отправке в рейх, – для нужд текстильной промышленности – общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы были срезаны со 140 тысяч женских голов и детских головок...

Р. С. Помимо основной функции – фабрики по истреблению миллионов жертв, концентрационные лагеря широко использовались в качестве поставщиков рабов для военного и смежных с ним производств. Прибыль от их труда, составлявшая сотни миллионов рейхсмарок, была одним из важных источников дохода СС.

Содержание узника, включая расходы на питание и одежду, не превышало 0,70 рейхсмарок в день; прибыль, приносимая его рабочим днем продолжительностью в 11–12 часов (в любое время суток), составляла шесть рейхсмарок. Учитывая среднюю продолжительность жизни узника в концентрационных лагерях (около девяти месяцев) и ограбление его трупы (извлечение золотых коронок и т. п.), доход, получаемый СС от эксплуатации каждого заключенного, составлял в среднем 1631 рейхсмарку.

В эту сумму не включены доходы от промышленного использования трупов и стоимость имущества, конфискованного у жертвы до ее заключения в концентрационный лагерь.

Глава I Зачем?

Итальянский философ и видный интеллектуал XX столетия Норберто Боббио полагает – нацистские лагеря уничтожения «были не одним из – а самым чудовищным, возможно, неповторимым событием в человеческой истории».

«Правда Майданека или Освенцима – это трудная правда, а для тех, кто прошел через это – очень личная правда. Мне кажется, что отображение этой правды во всей ее сложности станет возможным лишь в произведениях будущих поколений. Она, эта правда, будет подлинная, как смерть, и уже не будет отравлять» (И. Неверли, польский писатель, бывший узник Освенцима).

«Описывая трагические события XX века, следует воздержаться от того, что некоторые ученые (такие, как голландский исследователь исторической памяти Беребер Бевернаж) называют "временным манихейством", то есть – от ощущения, что все это было в «плохом» прошлом, а мы теперь живем в цивилизованном мире, где существование концлагерей невозможно... Разговор о концлагерях XX века – это разговор о нашем обществе, о корнях тех явлений, которые в скрытом виде (и не только! – Авт.) присутствуют в современности» (из лекции Михаила Немцова, прочитанной в Высшей школе социальных и экономических наук. Москва).

«Зачем я об этом пишу? К чему бередить старые раны?» – размышляет над раскрытой рукописью бывший узник концлагеря Освенцим-Биркенау. Мучительное сомнение захлебнулось в призраках воспоминаний, нахлынувших из глубин подсознания неизжитого прошлого:

Воскресенье, послеобеденное время – группа заключенных, расположившись на нарах, пытается вообразить картину послевоенного будущего:

«Профессор, – обращается к одному старому заключенному молодой поляк Казик, – а что будет с Освенцимом после войны?»

«А что должно быть? – отвечает тот, которого называют профессором. – Пойдем домой».

«Не говори ерунды, профессор, – перечит Казик. – Живым отсюда никто не выйдет!»

«И то верно, – отвечает наш профессор. – А все-таки пусть живые не теряют надежды! А что до самого Освенцима, то новая Польша построит здесь большой музей, в который постоянно будут приезжать делегации со всей Европы. На каждый камень, на каждую дорожку возложат венки, потому что здесь каждая пядь земли полита кровью. А потом, если бараки рухнут, дороги зарастут травой, и о нас все забудут, будут новые, еще худшие войны и еще худшие зверства. Потому что у человечества есть лишь две возможности: либо оно найдет путь к лучшему социальному строю, либо погибнет в варварстве и людоедстве».

Р. С. На территории лагеря Аушвиц-Биркенау в 1947 году был создан музей, который включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Зарегистрирован в Государственном реестре музеев Польши.

В 2016 году на конкурсе лучших музеев мира за звание лауреата награды «*Travelers Choice*» в категории «*Музеи*» 17 место занял музей «Аушвиц-Биркенау». Первую строчку в общем рейтинге занимает Музей Метрополитен (США), затем – Художественный институт Чикаго, затем – Санкт-Петербургский Эрмитаж, затем – Музей д'Орсе (Франция) и т. д.

Туристы в крематории

Подумай о дне погребения, о сопричастности к достоинству умерших...

Из послания египетского фараона изгнаннику Синухе...

В футболках с веселыми картинками и дурацкими надписями, в шортах и сандалиях, словно на пляже, тысячи туристов приходят в мемориальные комплексы, работающие там, где 70 с лишним лет назад людей мучали, убивали, сжигали в печах, ставили над ними злодейские эксперименты. Нескончаемый поток посетителей проходит летним днем через ворота с надписью *Arbeit macht frei*. Многие откровенно скучают. Вот девушка, паясничая, ставит на голову бутылку с водой, вот кто-то лениво отбивается от осы, кто-то разворачивает бутерброд, а тут милые улыбающиеся пары фотографируются у входа в газовую камеру. А рядом перед нами три столба посреди небольшой площади – будто три креста с Голгофы: мужчина, подняв руки, позирует у одного из них, спутница его снимает. Другая пара ожидает, пока толпа рассеется, чтобы запечатлеть себя на фоне черных печей крематория...

Из интервью Сергея Лозницы

На открывшемся 31 августа 2016 года Венецианском кинофестивале – премьера документального фильма Сергея Лозницы «Аустерлиц». Режиссер запечатлел на пленке непрерывающийся поток туристов посетителей Заксенхаузена, Дахау и других нацистских концлагерей.

В фильме нет никакого закадрового текста, только незамолкающий звуковой фон – по сути, шум, без которого невозможно представить ни одно многолюдное туристическое место. Нет комментария, нет титров. На экране перед нами – как бы единый, обобщенный концлагерь.

– Ваш фильм «Аустерлиц» поставлен по книге Зебальда о памяти Холокоста – и люди в вашем фильме ищут эту память. Находят ли они ее?

– *Это вообще большой вопрос в принципе, насколько возможно удержание этой памяти. Я никогда не планировал посещать мемориалы, созданные на местах бывших концлагерей, попал туда совершенно случайно. Проезжал мимо, решил заехать. Это был лагерь Бухенвальд. Я был ошеломлен, поражен, я испытал чувство неловкости моего присутствия в этом месте. Оттолкнувшись от этого чувства, я начал думать о том, чтобы сделать эту картину. В принципе мне непонятно, почему люди приходят туда вот так, как они приходят, и как вы можете видеть в фильме, то есть в несознании того, что там произошло. Ими движет, как и мною двигало, некое любопытство, наверное, но это не то, что может и должно двигать.*

– Я процитирую вам Михаила Ямпольского, который в пронзительной статье о вашем фильме задается таким вопросом: «Таинственна причина, побуждающая сотни, тысячи людей проводить летний выходной в бывшем концлагере. Почему пара молодых влюбленных или мать с ребенком отправляются в летний погожий день к печам крематориев?». Вы тоже, наверное, об этом думали? Есть у вас ответ?

– *Нет, ответа у меня нет. Для меня это загадка. Наверное, увидеть смерть на безопасном расстоянии, пощекотать нервы? Это именно тот вопрос, над которым хотелось бы подумать. Это то, что меня заставило сделать картину. Мне удивительно, как люди, которые туда приходят, которые делают селфи, или фотографируют отвратительную надпись на воротах, или заглядывают в печь крематория (что они видят в этой черноте?), как эти люди не задумываются, насколько нелепы они в этой ситуации, неуместны, насколько вообще вся эта история неэтична. Это странно. Я вот так с открытым ртом стоял несколько дней. Мы снимали ворота одного концлагеря, второго, я просто стоял с открытым ртом... Я никак не мог понять, как это возможно...*

Мир не поверит...

Многие из переживших ужасы концлагерей смерти вспоминают: эсэсовцам доставляло удовольствие дразнить заключенных своими циничными прогнозами:

«Как закончится война, мы пока не знаем. Зато знаем, что в войне с вами победу одержали мы, потому что никто из вас не останется в живых, чтобы свидетельствовать. А если какие-то единицы и останутся, мир им не поверит.

Возможно, у кого-то зародятся сомнения, люди будут спорить, заниматься поисками фактов. Но неопровержимых доказательств они не найдут, потому что мы уничтожим не только вас, но и все доказательства. Но даже если доказательства найдутся и кто-то из вас выживет, люди скажут, что доказательства ваши настолько чудовищны, что поверить в их подлинность невозможно – и все это раздувают заинтересованные в пропаганде союзники. А потому поверят нам, которые будут все отрицать, а не вам» (Симон Визенталь. Убийцы среди нас).

«Книга сожженных» (Verbrennungsbuch)

*...Сейчас, после эвакуации Освенцима и сжигания всех бумаг и документов, судьба миллионов людей останется навсегда неизвестной. Никаких транспортных ведомостей более не существует.
Пери Брод, унтершарфюрер, сотрудник гестапо Освенцима.*

В своих воспоминаниях комендант Освенцима Рудольф Гесс писал, что получил приказание от рейхсфюрера Генриха Гиммлера уничтожить всю информацию о числе жертв, убитых после каждой акции. Он сообщил, что лично уничтожал улики и что так же поступали начальники отделов. Эсэсовский стражник в Освенциме Пери Брод писал об уничтожении данных о массовых убийствах. Член зондеркоманды Генрих Таубер рассказал, что присутствовал при регулярном уничтожении целых грузовиков с документами о смертях в мусоросжигательной печи при крематории. Таубер отметил также, что начальник смены кремационной команды делал записи о числе убитых жертв. Эти цифры проверялись эсэсовцем, изымавшем тетрадь с этими данными после кремации каждого транспорта. Тадеуш Пачула (Paczula), регистрировавший смерти в «Книгах смерти», пишет, что данные о сожженных в Крематории-1 содержались в томе, озаглавленном «Книга сожженных» (Verbrennungsbuch).

Отдавая отчет в преступном характере своей деятельности, нацисты предпринимают лихорадочные усилия по сокрытию улик, свидетельствующих о совершенных зверствах:

«Все файлы, в особенности секретные, должны быть полностью уничтожены. Секретные файлы об... установках и мерах пресечения в концентрационных лагерях должны быть уничтожены любой ценой. Также и об уничтожении некоторых семей и т. п. Файлы эти ни при каких обстоятельствах не должны попасть в руки врага, являясь, в конце концов, секретными приказами фюрера» (из секретного приказа гауляйтера и рейхскомиссара по обороне Шпенглера).

Глава II

Восставшие из пепла

Две записные книжки Залмана Градовского и письмо, написанное им незадолго до восстания одной из зондеркоманд Освенцима, руководителем которого он являлся, – воистину огненные буквы, чудом вспыхнувшие пламенем из-под горы пепла сожженной человеческой плоти.

Иногда рукописи воистину не горят

Он сумел не только стать летописцем в аду, но и надежно спрятать свои свидетельства в надежде, что они не просто дойдут до потомков, но станут грозным предупреждением для человечества будущего:

«Я написал это, находясь в зондеркоманде... Я хотел оставить это, как и многие другие записки, на память для будущего мира, чтобы он знал, что здесь происходило. Я закопал это в яму с человеческим пеплом, как в самом надежном месте, где, вероятно, будут вестись раскопки... Дорогой находчик, ищите везде! На каждом клочке площади. Там лежат десятки моих и других документов, которые прольют свет на все то, что здесь происходило и случилось. Также зубов здесь много закопано. Это мы, рабочие команды, нарочно насыпали столько, сколько только можно было... чтобы мир нашел следы миллионов убитых...» (Залман Градовский. В сердце вине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима).

«Мы знаем – отсюда живыми не выйдем. На воротах этого ада дьявол собственноручно написал: "Оставь надежду, всяк сюда входящий". Мы хотим исповедаться, пусть это будет наша молитва "Шма Исроэль" для будущих поколений. Это должно быть исповедью трагического поколения – поколения, которое не доросло до своей задачи – поколения, рахитичные ноги которого согнулись под тяжелым бременем мученичества, которое время возложило ему на плечи.

И посему речь тут идет не о фактах и цифрах или о сборе сухих документов – это и без нас сделают. Историю Аушвица смогут восстановить без нашей помощи... Мы же хотим создать картину того, как «жили» в Аушвице, как выглядел здесь «нормальный» среднестатистический рабочий день – день смешения жизни и смерти, день страха и надежды, день отречения и воли к жизни, день, в котором одна минута не знает, что принесет с собой другая, день, когда копают и отрубают кайлом куски собственной жизни – кровавые куски, юные годы, когда, задыхаясь, грузят их на вагонетку времени, которая со скрипом и стенаниями тащится по железным рельсам лагерной жизни, а в сумерках, до смерти замученные, вагонетку опрокидывают в глубокую пропасть.

Ах, кто достанет из бездны этот окровавленный день вместе с его черной тенью, залитой страхом ночью, и покажет его миру?» (из рукописи узника Аушвица Аврама Левита).

Голоса из преисподней

«...2 января 1943 года я был зачислен в команду по разборке вещей прибывающих в лагерь заключенных... Ежедневно отправлялись в разные города Германии по семь—восемь вагонов вещей. Старые изношенные вещи отправлялись на переработку в Мемель и Лодзь... Здесь, в тюке детских пальто, я нашел однажды пальто моей младшей дочурки Лани.

Уже вскоре я узнал о газовых камерах, о крематориях, где ежедневно сжигались тысячи людей, я узнал о судьбе всех тех, кому не посчастливилось попасть в рабочие команды, – и понял, что та же судьба постигла и мою семью... Люди ослабевшие, истощенные, больные, негодные для рабочих команд, неизменно "газировались"...

В одном из прибывших греческих транспортных средствах оказался детский дом. На железнодорожной платформе эсэсовцы хотели отделить от детей прибывшую вместе с ними воспитательницу. Она категорически отказалась оставить детей одних... Не подействовали ни уговоры, ни попытки насильно оторвать ее от детей. Так и ушла воспитательница вместе со своими ребятами в газовую камеру» (узник Освенцима (Аушвица) № 79414).

«18 января мы слышали вдруг свистки по лагерной улице и крики: "Блокиперре!" Выходить из блоков было запрещено. Всего шесть дней прошло со времени нашего прибытия в Освенцим. Никто не объяснял нам в чем дело, но по лицам начальниц мы поняли, что должно произойти что-то нехорошее. Построили нас, подсчитали и повели в «сауну». Там велели раздеться, и мы проходили перед Гесслером и врачом. Некоторых, в том числе и мою мать, записали. Вернувшись, мы узнали, что эта сортировка означала «селекцию». Это было самое страшное слово в лагере: оно означало, что люди, сегодня еще живые, обречены на сожжение. Каково же было мое состояние! Я знала, что теряю мать, и не в силах была помочь ей. Мать утешала меня, говоря, что свой век она уже прожила и что ей жалко лишь нас, детей. Она знала, что та же участь ожидает и нас. Два дня после селекции обреченных держали в блоке, кормили как и нас. 20 января пришли за ними и забрали в специальный блок смерти (блок А 25 а). Там собрали несчастных со всех блоков и на машинах отвезли в крематорий.

Во время вечернего «аппеля» не хватало в нашем блоке многих. Пламя в небе и дым говорили о том, что в этот день, 20 января, сожгли многих невинных, несчастных людей; в их числе была и моя мать. Единственным моим утешением было то, что и я погибну, а они уже избавлены от страдания» (узница Освенцима (Аушвица) – № 74233 (Рассказ из «Черной книги»)).

«Две самые большие газовые камеры были рассчитаны на 1450 человек, но эсэсовцы загоняли туда по 1600 1700 человек. Они шли за заключенными и били их палками. Задние толкали предыдущих. В результате в камеры попадало столько узников, что даже после смерти они продолжали стоять. Падать было некуда». (Шломо Венеция. Бывший узник концлагеря Освенцим)

Р. S. Недавно руководство польского Государственного музея Аушвиц-Биркенау обратилось к немцам и австрийцам с просьбой передать мемориальному комплексу все сохранившиеся документы, фотографии, письма, дневники и другие материалы времен Третьего рейха. Это необходимо для детального исследования психологии нацистов. Директор музея Петр Цивинский сообщил, что до сих пор при изучении механизмов влияния нацизма исследователи, как правило, работали с воспоминаниями бывших узников лагеря смерти, сохранившейся документацией нацистского учреждения и послевоенными судебными материалами.

Он считает, что личные документы нацистов помогут намного эффективнее разобраться в их ментальности, а также в механизмах формирования ненависти и нетерпимости у людей. По мнению Цивинского, это предостережет будущие поколения от подобных трагедий. Освенцим был самым большим нацистским лагерем смерти, который просуществовал дольше всех остальных.

Доброе утро (!)

Неподалеку от польского города Гданьска в канун Второй мировой войны жил раввин – отпрыск выдающейся хасидской династии. Опираясь рукой на серебряную трость, он совершает регулярную утреннюю прогулку в своем неизменном черном костюме и шляпе и приветствует каждого встречного – мужчину, женщину или ребенка – теплой улыбкой и сердечным приветом «*Доброе утро!*». Среди тех, с кем он обменивается утренним приветствием, – господин Мюллер, этнический немец, польский фольксдойче:

– *Доброе утро, господин Мюллер!* – улыбаясь приветствует он человека, усердно работающего в поле.

– *Доброе утро, господин рав,* – отвечает господин Мюллер. И на лице его появляется добродушная улыбка.

Началась война. Мирные прогулки раввина прекратились. Облачившись в форму СС, господин Мюллер куда-то исчезает. Раввин разделяет участь большинства своих соплеменников – оказывается в концлагере Освенцим.

Селекция – рутинная лагерная процедура по «выбраковке» использованных и более не пригодных к работе узников. Сменив свой черный костюм на полосатую униформу раба-узника, раввин прячется за спинами других доходяг, потупив взор в надежде скрыть выдающие его беспомощность и бессилие светящиеся от голода и болезней глаза. Маленькая хитрость не удастся. Зоркий глаз «селекционера» обнаруживает доходягу. С зажатым в белой перчатке жезлом он дает отмашку жертве проследовать к группе, отобранной на «газовку».

Спотыкаясь и пошатываясь, раввин бредет в колонну собратьев по несчастью. Зловещий голос поторапливает его на смерть: «*Schneller, Schneller, verfluchte Schwein!*» (нем. – «*Быстрее, быстрее, проклятые свиньи!*»).

Неуловимая интонация исторгаемых звуков заставляет его вздрогнуть и, подняв голову, взглянуть в глаза распорядителю его судьбы.

«*О, майн Гот!*» (идиш – «*О, мой Боже!*») – восклицает он. Перед ним стоял господин Мюллер.

– *Доброе утро, господин Мюллер!* – машинально вырывается из уст забытое приветствие.

– *Доброе утро, господин раввин,* – слышится в ответ из-под эсэсовской фуражки.

Минутная пауза – затем следует вопрос:

– *Что вы здесь делаете, господин раввин?*

На губах узника – виноватая улыбка. Он что-то лепечет... Волшебный взмах жезла прерывает его мучительный путь к смерти.

В почтенном возрасте, много лет спустя, раввин, облаченный в неизменно черный костюм и в традиционной шляпе, поигрывая серебряной тростью, завершает беседу с интервьюируемым следующим размышлением:

– *Такова сила пожелания доброго утра, уважаемый господин Элиах. Человек всегда должен приветствовать своих близких.*

Элиах Я. Из беседы с раввином

Глава III

Под грифом секретности

И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.³

Ф. Ницше

Как полагает Ницше, у любой страшной бездны есть не менее ужасное свойство: она притягивает к себе тех, кто смотрит в нее слишком долго. Она постепенно начинает гипнотизировать его – манить к прыжку в ее глубины, к падению.

Только через 65 лет – в день очередной годовщины концлагеря лагеря смерти Освенцим-Аушвиц – был снят гриф секретности с документов, хранящихся в архивах ФСБ России, многие из которых свидетельствуют о зверствах, царивших в концлагере Освенцим-Биркенау. В них мы, в частности, знакомимся с показаниями, данными на суде надзирателями концлагеря Освенцим. По их утверждениям, через газовые камеры этой фабрики смерти в месяц проходило до 150 тысяч жертв. В крематориях и кострах, горевших дни и ночи, в месяц сжигалось до 270 тысяч трупов (Освенцим. Секретные материалы).

³ Нем. – «Und wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der Abgrund auch in dich hinein».

Из протоколов допроса

«И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими... И смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» (Откровение Иоанна Богослова. 20:13,14).

Гайслер Эдуард – 1890 года рождения, уроженец деревни Бруненсдорф (Австрия), немец, из рабочих, образование 8 классов, женат. С марта 1944 по апрель 1945 года командир отделения в охранном батальоне СС дивизии СС «Мертвая голова»; унтер-офицер. 21 августа 1945 года военным трибуналом гарнизона Берлина осужден к расстрелу:

– В учебной роте по истреблению людей в основном еврейской национальности и цыган нас учили, что такую национальность, как еврей, мы должны уничтожить на территории Германии и оккупированных немецкими войсками стран и районов Советского Союза... Евреи и цыгане, по рассказам в учебной роте, являлись врагами немецкой национальности первой категории, и их немедленно всякими средствами мы должны были истреблять, так как эти нации и являлись зачинщиками Второй империалистической войны.

Газелов Элизабет – 1921 года рождения, уроженка деревни Крапин, Крайзе Биттерфельд провинции Саксонии, из рабочих, немка, образование 8 классов, замужняя. В мае 1943 года поступила на службу в охранные отряды СС; служила надзирательницей в концлагерях Равенсбрюк, Майданек и Освенцим. 2 июля 1948 года военным трибуналом гарнизона советского сектора Берлина осуждена к пожизненному заключению с отбыванием каторжных работ:

В апреле 1944 года в связи с наступлением советских войск часть сотрудников лагеря Майданек уехала в другой лагерь, в глубь Германии. *Я же была направлена надзирательницей в лагерь уничтожения – Аушвиц, в Силезию... Это был лагерь уничтожения. Здесь был выстроен крематорий, газовая камера. Я наблюдала, когда в июле 1944 года в лагерь Аушвиц было привезено 2 колонны румынских евреев (из Румынии) численностью более одной тысячи человек. Это были заключенные различных возрастов: старики, юноши и дети. Все они были отправлены в газовой камере, а трупы сожжены в крематории.*

Роттенфюрер Штайборн Вилли – 1911 года рождения, уроженец села Буковины Старовартовского повята, поляк, немецкий подданный с 1942 года, образование 6 классов, холост. С ноября 1941 по январь 1945 года служил охранником Освенцимского концлагеря, роттенфюрер СС. Арестован 23 марта 1945 года, содержался в Лефортовской тюрьме. По постановлению Особого совещания при МТБ СССР от 29 ноября 1947 года «за издевательства и соучастие в уничтожении советских граждан» заключен в исправительный трудовой лагерь сроком на 25 лет:

– В 1941 году после оккупации Польши я добровольно пошел на службу в немецкую армию, служил в войсках СС при Освенцимском лагере в должности роттенфюрера. Когда я прибыл на службу в охрану СС, оберштурмфюрер Просман ознакомил меня с обязанностями эсэсовца и инструкцией: *«Вы должны знать, что охраняете врагов Германии и не должны с ними церемониться. Вы имеете право избить, убить заключенного и вести себя так, чтобы заключенные боялись вашего взгляда. Побольше бейте заключенных, издевайтесь над ними, убивайте их»...*

В лагерь Биркенау ежедневно прибывало по несколько транспортов с заключенными, абсолютное большинство которых сразу же шло на уничтожение в газовые камеры, и только незначительное число людей отбиралось на работы в лагере... Однажды зимой в лагерь прибыл транспорт заключенных-женщин до 2000 человек. Штурмбанфюрер Амаер заставил их всех

снять обувь и босыми несколько часов подряд работать на морозе. Многие из них заболели и тут же были уничтожены.

Шваб Александр – 1902 года рождения, уроженец Вены, австриец (рейхсдойч), подданный Германии, беспартийный. С августа 1944 по январь 1945 года унтер-капо (помощник надсмотрщика), затем блокэль-тестер (старший блока) концлагеря Освенцим. По постановлению Особого совещания при МТБ СССР от 29 ноября 1947 года «за издевательства и соучастие в уничтожении советских граждан» заключен в исправительный лагерь сроком на 25 лет. По заключению Генеральной прокуратуры РФ от 28 мая 2002 года признан «не подлежащим реабилитации»:

– Находясь в лагере смерти Освенцим, я работал унтер-капо, а затем старшим блока. Всех заключенных, которые выходили из строя от побоев, голода и непосильного труда, я отправлял в Биркенау, где их расстреливали, вешали, сжигали на кострах либо уничтожали в газовых камерах. Все издевательства не только не пресекались, а поощрялись командованием лагеря. А потому я выслуживался перед немцами издевательствами над заключенными в должности унтер-капо, старшего по блоку. Как я, так и все унтер-капо, капо и старшие блоков получали в месяц по 20 и более марок, а также паек. Других каких-либо вознаграждений я не получал...

«Я помогал уничтожать невинных...»

Оскар Грёнинг – с 18 лет состоит в рядах СС, куда принимают только на добровольной основе. Вскоре он оказался в Освенциме-Аушвице в роли маленького винтика чудовищной машины массового истребления людей – бухгалтера.

- *Вы знали, что ожидает вас в Аушвице?*
 - *Я и названия такого не слышал. В центральном аппарате СС сказали, что «нам предстоит выполнить задачу, решающим образом влияющую на исход войны, и что мы должны хранить абсолютное молчание».*
 - *Что же вы увидели в лагере?*
 - *Страшнейший кошмар, который преследует меня до сих пор. Горы убитых, газовые камеры, останки сожженных людей.*
 - *Что делали вы в Аушвице?*
 - *Я был служащим в управлении. Мне надлежало регистрировать, отбирать и отправлять в Берлин все ценности, которые изымались у узников.*
 - *Другими словами, селекция и убийства происходили на ваших глазах?*
 - *Да. В мою задачу, в частности, входил контроль за тем, чтобы охрана не присваивала ценности узников – бриллианты, золото, деньги, меха и многое другое стоимостью миллионы и миллионы.*
 - *Их владельцев на ваших глазах отправляли в газовые камеры?*
 - *Именно так. Многие это знали. Другие верили, что им предстоит «санобработка». Мужчин отделяли от женщин, строили по пять человек в ряд. Детей оставляли с матерями. Потом палачи отбирали больных и грузили их на машины – в газовые камеры в первую очередь доставляла их, затем следовали женщины с детьми...*
- (Из интервью Оскара Тренинга немецкой газете «Бильдцайтунг»)*

Р. S. 7 июля 2015 судья немецкого города Люнебург приговорил 93-летнего Оскара Тренинга к четырем годам лишения свободы по делу о пособничестве в убийстве заключенных Освенцима. Прокуратура должна была решить, в состоянии ли 93-летний пенсионер отбыть наказание в заключении.

Обвиняемый полностью признал свою вину. «Для меня не вызывает сомнений тот факт, что я, с моральной точки зрения, являюсь соучастником», – сказал он.

Глава IV

Размышлизмы...

Безумный человек. Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: «Я ищущу Бога! Я ищущу Бога!» – Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. Он что, пропал? – сказал один. Он заблудился как ребенок, – сказал другой. – Или спрятался? Боится ли он нас? Пустился ли он в плавание? Может быть, он эмигрировал? – так кричали и смеялись они попеременно. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. – Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все убийцы!

Ф. Ницше. Веселая наука. Стих 125

Со временем, в силу возраста и обремененности прожитым, наступает пора, когда ты пытаешься разобраться в себе – осознать и выразить в словах, что стало делом твоей жизни. С тем чтобы принять и оценить свершившееся, отделить добро от зла, ты прибегаешь к помощи вековой мудрости, пытаешься обрести в ней союзника и духовную опору. Вступая в непростой диалог с атлантами духа, все еще пытающихся держать на своих натруженных плечах небосвод с изрядно потускневшими прозрениями высоких идеалов, ты с чем-то соглашаешься, кое-что не приемлешь, что-то оказывается выше возможностей твоего понимания.

Многие проникательные мыслители подметили – время от времени в сердцевине того или иного индивида, группы людей либо целого народа, независимо от цивилизационного прикида, пробуждается зараженное злой волей пассионарное энергетическое ядро, взрывающее весьма уязвимый приобретенный тонкий пласт культуры, призванный погасить в хомо сапиенс дремлющую природу дикого зверя, – и человек тянется к оружию и к другим орудиям уничтожения, обнажая в себе каннибала, одержимого мучительным желанием испытать человечины.

Наружу вырывается темная неуправляемая сила, на фоне которой рушатся всяческие моральные табу – и наступает «момент истины», ничем не ограниченный разгул зла.

Мысли о немыслимом

Далекий от амбиций уподобиться сове Минервы – размышляю над прошедшим, избегая при этом чрезмерного увлечения кому-то давать советы, каждый раз напоминаю себе: *«Старость не забывает своего жизненного опыта и любит давать добрые советы, так как уже не может показывать дурные примеры»* (Андре Моруа).

Следуя мудрости Сенеки – прежде, чем погрузиться в объятия Морфея, вопрошаю себя: *«С какой проблемой справился сегодня? Перед каким искушением устоял? Какое достоинство приобрел?»*.

В какой-то миг сомневаюсь: не поддался ли искушению, пытаюсь выговориться о немыслимом на страницах предлагаемого эссе? Если «да» – не ведаю, смею ли увязать это стремление с повышением чувства личного достоинства.

По долгу «службы»

Размышляя о былом и настоящем, в какой-то момент ощущаю, как с возрастом рушится успокоительное благодушие – и пред мысленным взором, подобно кошмарному наваждению, всплывают непостижимые в своей жестокости и абсурдности картины нравственной катастрофы цивилизации в XX веке, последствия которой все еще далеки от осмысления.

Останавливаюсь на одном из показаний на судебном процессе по нацистскому концлагерю Собибор, проходившему в германском городе Хагене с сентября 1965 по декабрь 1966 года:

Отправляя по долгу службы (есть такая служба, в том числе и в обществе, относящему себя к цивилизованному, «убивать») очередную партию жертв в газовую камеру, унтершарфюрер Франц Вольф демонстрирует странное «чадолюбие»: каждого из детишек, преступающего порог смерти, одаривает конфеткой.

Каким побуждением руководствовался странный джентльмен, подслащая смерть детишек, – представить весьма сложно. Возможно, мы имеем дело с особой разновидностью педофилии.

У порога красной черты

И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле... И раскаялся Господь, что создал человека на земле... И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил...

Бытие. 6:5–7

Я предвижу время, когда человечество больше не будет радовать Бога, и Он будет вынужден вновь все разрушить для обновления творения.

Гёте

Насколько пророческим оказалось поэтическое чутье автора «Фауста» – является ли Освенцим-Аушвиц той красной чертой, преступив которую, человечество перестало *«радовать Бога»*, после чего Всевышнему следует задуматься о более успешном проекте творения – судить не берусь. Тем не менее энтузиазм, с которым под заманчивыми лозунгами, зовущими в призрачное светлое далеко, переведенными на язык классовых, расовых и религиозных противоборств – на язык войн, революций, джихада и прочих потрясений, – человечество оказалось на пути всепобеждающего зла, не может не вызывать озабоченности.

На этой гибельной стезе мучительно вынашиваемые веками идеалы высшей справедливости, когда *«волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их»* (Исайя 11:6), зависают в недоступных эмпиреях либо оказываются достоянием фанатиков, питая хамство торжествующей толпы.

Не лучшая судьба постигла идеалы справедливости, облеченные в формулу торжества всепобеждающего Разума – *«Свобода, Равенство и Братство!»*. Выхваченные из контекста великих прозрений, они зачастую облачаются в ничего не значащие знаки – слова и пафосные лозунги, которые, овладевая одуроченными толпами, превращаются в оружие массового уничтожения.

Потерпев чувствительное поражение в борьбе за непреходящую ценность отстаиваемых ею воззрений, философия пытается вступить в непростой диалог с ускользающей из-под ее влияния действительностью.

Предъявляя претензии к философии в связи со скандальным разводом, оборвавшим ее генетическую связь со своим давним партнером – действительностью, следует, тем не менее, уяснить:

В силу каких причин современное общество, кичащееся величайшими прорывами в сфере научных познаний, технологий и прочими достижениями, утратило интерес к высокой мудрости, брачный контракт с которой был некогда заключен представителями Агоры под удивительным небосводом древней Эллады?

Кровавое озарение

Кровавые знаки оставляли они на пути, которым проходили, и их безумие поучало, что истина доказывается кровью.

Но кровь – наихудшее свидетельство истины; ибо отравляет она самое чистое учение, превращая его в заблуждение и ненависть сердца.

Фридрих Ницше

Из воспоминаний Шпеера. Ночь 24 августа, год 1939.

«Этой ночью стояли мы с Гитлером на террасе Бергхофа и восхищались удивительным явлением природы. Необыкновенно яркое полярное сияние надолго озарило противоположную вершину красным цветом, а небо над ней играло всеми красками радуги. Заключительный акт "Сумерек богов" Вагнера не мог бы быть более удачно инсценирован. Наши лица и руки казались выкрашенными в красный цвет. Это явление вызывает у нас необыкновенно приподнятое настроение. Гитлер обращается к одному из своих адъютантов со следующими словами: "Это напоминает обилие крови. В этот раз не обойдется без насилия"».

В восприятии палитры цветов полярного сияния посланника ночи доминирует красный цвет – цвет крови, отблеск которого ложится на лица и руки высокопоставленных нацистских чиновников на террасе Бергхофа. Последняя точка, определяющая готовность разыграть все-ленскую драму «Гибели богов», призванную оживить погружающуюся во мглу серости картину мира цветом крови, поставлена.

Р. С. За два дня до впечатлившего фюрера кровавого заката, 22 августа Гитлер обещает руководству вермахта найти причины для начала войны с Польшей:

«Я собрал вас, чтобы разъяснить сложившуюся политическую ситуацию, чтобы вам стало предельно ясно, на чем строится мое окончательное решение – действовать незамедлительно... Никому неизвестно, сколько мне осталось жить. Поэтому – столкновение именно сейчас... Запереть сердца против жалости и сострадания! Жесточайший образ действий! Восемьдесят миллионов человек должны, наконец, обрести свои права!.. Так или иначе войны не миновать... Я предоставляю пропагандистский предлог для начала войны. Насколько правдоподобным он будет, никакого значения не имеет. Победителя никто не спросит, правду он говорил или нет. При развязывании и ведении войны играют роль не вопросы права, а победа» («История», IV, 14; пер. Г. С. Кнаббе).

Первого сентября 1939 года мир погружается в кровавую пучину Второй мировой бойни.

Глава V

Кадиш

(Поминальная молитва в иудаизме)

Да будет воля твоя, не слышащий голос палача, сделай для нас хоть это – сложи слезы наши в кожаный мех твой – сохрани эти страницы слез в бурдюке бытия, пусть они попадут в правильные руки и совершат свое исправление.

Текст молитвы узника концлагеря Аврама Левита, вознесенной к Всевышнему 3 января 1945 г.

И видел я и Рим, и Париж, и Берлин, и Вену, и прочие знаковые в европейской культуре города и веси... И посетил я и Лувр, и Сикстинскую капеллу, и Цвингер и прочие подобные места... И восхищался я шедеврами и Уффици, и Эрмитажа, и других известных, мало известных и не очень известных хранилищ прекрасного...

И спустился я в ад Освенцима – Аушвица, ныне именуемый музеем, бесстрастно запечатлевшим чудовищные артефакты – свидетельства непостижимости гуманитарной катастрофы, сотворенной руками горделивого в своих достижениях и постижениях европейца...

И душу мою охватил ужас и томление духа... И голос библейского мудреца через века мне нашептывает неизреченное:

Время жить и время убивать; Время любить и время ненавидеть; Время верить – и время предавать; Время исповедовать ложь во спасение и время взглянуть в глаза устрашающей правде; Время кем-то казаться и время быть собой.

Р. С. «Где я? Что значит сказать «мир»? Каково значение этого слова? Кто заманил меня сюда и покинул здесь? Кто «я»? Как я оказался в этом мире? Почему меня не спросили, почему не познакомили с его правилами, а просто всунули в него, как будто я был куплен у продавца душ? Как я оказался вовлеченным в это громадное предприятие, называемое действительностью? Разве это не дело выбора? Кому я могу пожаловаться?» (С. Кьеркегор. Философские крохи, или Крупицы мудрости).

Мир «не забыл» (!)

*Есть только одна вещь на сеете, которая может быть хуже
Освенцима – то, что мир забудет, что было такое место.
Генрих Аппель. Узник Освенцима*

Учительница математики средней школы Caravillani (Рим) делает замечание одной из своих учениц: *«Если бы вы были в Освенциме, вы бы вели себя лучше»*. В ответ на критику на неподобающий характер замечания учительница возражает: *«Я лишь напомнила о тех местах, где царит порядок»*.

В годовщину семидесятилетия восстания в Варшавском гетто проведенный в школах Варшавы опрос показал – каждый четвертый из опрашиваемых подростков либо молодых людей назвал концлагерь *«успешным проектом»* Гитлера.

Из интервью с немецкими школьниками: *«Я слышала про какие-то места... я забыла, как они называются... Я думаю, что евреев заставляли работать или что-то типа этого. А когда они не могли работать, их сажали в концлагерь»* – пожимает плечами юная немка.

Милые и наивные сестры Ксения и Евгения Каратыгины на вопрос о том, что такое «Холокост» в ток-шоу на российском канале МузТВ ответили: *«Клей для обоев»...*

PS. *«К концу войны в Европе недоверчивый мир с чувством отвращения отвернулся от этого преступления, которое он оказался не в состоянии осмыслить и объяснить и которое, по сути, осталось не отмщенным»* (Arthur Dodd. Spectator in Hell. Артур Додд, британский военнопленный, узник Аушвица).

«Поиграем» в еврея...

По сообщению итальянской газеты *«La Repubblica»* от 19 июня 2016 года:

Новая аппликация, предлагаемая программой Google Play, приглашает пользователей *сыграть в игру «Освенцим»*. Разработчики программы утверждают, что эта игра, доступная на платформе Android, *«доставит удовольствие»* играющим. На онлайн-ревью игра получила 3,1 звездочек из пяти возможных. Игра предлагает пользователю *«прожить жизнью реального еврея»* в концлагере смерти.

P. S. *«...Я теперь задаюсь вопросом, имеющим для меня жизненно важное значение: был ли Освенцим каким-то исключением в мировой истории?..»* (Джордж Снайдер. Узник Освенцима).

Известно...

– Известно, что ни один солдат гитлеровской армии не был казнен по причине отказа участвовать в массовом уничтожении людей (отказавшиеся были); – известно, что Гиммлер приказал не допускать садистов к службе в лагерях – на вакантную должность убийцы могли претендовать лишь те, кто отличается здравым смыслом и отдает себе отчет, что, истребляя женщин, стариков и детей, он выполняет важную работу на благо рейха;

– известно, что нацистам принадлежит гуманистическая по своему духу инициатива создания природных заповедников и идея охраны животных;

– известно, что некий Мартин Клеттнер в 1950 году пытался получить патент на печь, которую он среди прочих разрабатывал для концлагеря Освенцим-Аушвиц. Заявка простодушного инженера подвигла английского писателя Уима ван Леера (Wim van Leere) на написание пьесы *«Заявленный патент»*, постановка которой была осуществлена в Лондоне в 1965 году.

Безумие госпожи Шехтер

Поезд остановился. Сквозь зарешеченную прорезь окна вагона кто-то читает название – «Аушвиц». Двоим узникам удастся спуститься за водой. По возвращении они делятся с собратьями по несчастью «информацией», раздобытой от местного стража порядка в обмен на золотые часы:

Нам сообщили, что мы прибыли в расположение трудового лагеря с вполне подходящими условиями для жизни. Здесь никого не разлучат с семьями. Молодые получают работу на фабриках. Старики и немощные будут заниматься посильным трудом на полевых работах.

Измученные изнурительной дорогой узники воспринимают сообщение почти как весть о прибытии в «Землю обетованную». Градус смятения перед неизвестным снижается. Можно немного расслабиться.

Воцарившееся благодушие взрывает крик лишившейся рассудка госпожи Шехтер: *«Огонь! Пожар! Посмотрите туда!»*. Подобно вещи Кассандре безумная женщина, прижимая к груди ошалевшего ребенка, прозревает невидимую для простого глаза надвигающуюся беду, непрерывно бормоча – *«Огонь! Пожар! Пожар!..»*.

Поверив возгласу отчаяния, кто-то бросается к решетке окна и пристально вглядывается в черноту безысходной ночи. Вокруг – непроглядная тьма. Обманутые и раздраженные узники с кулаками набрасываются на несчастную женщину, посмевающую прервать их мучительную попытку забыться в дреме.

Через какое-то время закрипели тормоза – поезд медленно, нехотя, словно в глубоком раздумьи, вползает в глубину разверзнутой пасти всепоглощающей черноты.

Вдали замелькали блики огня... Чей-то голос – на сей раз отнюдь не безумной госпожи Шехтер – истошно орет:

«Евреи, смотрите! Смотрите, огонь! Смотрите, пламя!».

В разорванные клочья зловеще подсвеченного неба устремляются багровые языки пламени. Через какое-то время сполохи огня обретают причудливые человеческие контуры. Воздух наполняется тошнотворным запахом горящей плоти.

«Да возвеличится и святится имя Его...»

(Иврит – «Йитгаддал вейиткаддаи имей рабба...»)

«На вопрос "Какой я веры?" я папе римскому сказал (он тогда был еще кардиналом в Германии, и я встречался с ним): "Мои родители с обеих сторон православные, а я ярый безбожник"».

Он спросил: Почему?

Я ему ответил: *Я лично выносил грудных детей, которые еще не умерли, из газовой камеры. Их брали за ножки, об землю и в ту же самую кучу. Еде же был Бог, когда убивали этих ангелов? Они еще никто, они никакой веры, никакой нации – это маленький, только родившийся человек(!) Где же был Бог?»*

Игорь Малицкий. Бывший узник Освенцима.

Тормоза прекращают издавать скребущий душу скрип. Остановка. Наконец прибыли... Двери распахиваются. Странные напогляд люди в полосатых куртках и в лихо надетых набекрень черных шапках врываются в вагон. У каждого в руке фонарь и дубинка, удары которой раздаются направо и налево. Вся эта процедура сопровождается непрерывной командой: «*Всем выходить! Вещи оставить в вагоне! Живо!..*».

К растерянной толпе в полосатой робе подходит узник-старожил – и с нарочито зловещей усмешкой шепчет:

– Довольны?

– Да, – ответил ему кто-то.

– Несчастные, вы же идете в крематорий.

Казалось, он говорил правду. Недалеко от нас из какого-то рва поднималось пламя, гигантские языки пламени. Там что-то жгли. К яме подъехал грузовик и вывалил в нее свой груз – это были маленькие дети. Младенцы! Да, я это видел, собственными глазами... Детей, объятых пламенем...

– Папа, – сказал я, – если это так, я не хочу больше ждать. Я брошусь на колючую проволоку под током. Это лучше, чем медленная смерть в огне.

Папа не ответил. Он плакал. Его тело сотрясала дрожь. Плакали все вокруг. Кто-то начал читать Кадиш – молитву по умершим. Я не знаю, случалось ли прежде в истории еврейского народа, чтобы живые читали заупокойные молитвы по самим себе.

– Йитгаддал вейиткаддаи имей рабба... – Да возвеличится и святится Его Имя... – шептал отец.

Впервые я почувствовал, что во мне закипает протест. Почему я должен освящать и возвеличивать Его Имя? Вечный, Царь Вселенной, Всемогущий и Страшный молчит, за что же мне Его благодарить?»

Свидетельство бывшего узника Освенцима: Эли Визе ль. Ночь.

Р. С. «Кульминация современной трагедии знаменуется обыденностью злодеяствия... В древние времена кровавое убийство вызывало, по меньшей мере, священный ужас, освящавший таким образом цену жизни...» (А. Камю).

До сентября 1944 года в Освенциме не было детей – сразу по прибытию их отправляли в газ и сжигали. Всего в концлагере Освенцим было замучено и сожжено более трехсот тысяч детей.

Обвинитель:

«Подсудимый Гесс, правда ли, что эсэсовские палачи бросали живых детей в пылающие печи крематориев?»

Гесс:

«Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать... Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, то отбирали детей и истребляли»

Из материалов Нюрнбергского процесса.

Расчувствовавшийся Гесс признается на суде, что, отправляя детей в газовые камеры, он вначале нервничал. Однако Эйхман, один из наиболее высокопоставленных чиновников, отвечавших за логистику, т. е. обеспечивавших бесперебойную поставку евреев для поголовного истребления, успокоил его следующими «здравыми» доводами:

«Где же логика – умерщвлять взрослых и оставлять в живых детей, будущих мстителей, тех, кто сможет возродить расу?»

Фани и Клара

В лагере систематически уничтожаются не только вновь поступающие дети, но и малютки «местного производства», которых угораздило – неизвестно за что и для чего – появиться именно в эти минуты роковые в этом далеко не лучшем из миров.

До мая 1943 года все появившиеся на свет в концлагере Освенцим младенцы немедленно умерщвляются – их, в частности, топят в специальных бочонках («баррелях»). Этим занимается медперсонал – «акушерки» Клара и Фани – немки, отбывающие наказание в лагере за уголовные преступления.

Фани – акушерка по профессии. Оказалась в лагере за детоубийство. Клара переквалифицировалась в медработника из уличной девки, попросту – проститутки.

После каждого родов до слуха роженицы, вместо будоражающего крика пробудившегося к жизни младенца, доносится громкое бульканье утапливаемого не успевшего сделать первый глоток воздуха ангелочка. Затем следует всплеск выливаемой из бочонка воды. Бездыханное тело младенца выбрасывается на растерзание крысам.

Бывали и исключения – когда крысам не удавалось полакомиться очередной порцией свежей человечинки.

«В нашем бараке, прямо на земляном полу, родила женщина, к ней подошла немка, подцепила ребенка лопатой и живьем кинула в печку-буржуйку» – вспоминает бывшая узница Освенцима Лариса Симонова.

В мае 1943 года отношение к некоторым новорожденным меняется. Голубоглазых и светловолосых отбирают у матерей и отправляют в Германию для пополнения численности «арийской популяции». «Адаптация» младенцев арийскими усыновителями именуется «денационализацией».

На счету лагерных «акушеров» Фани и Клары свыше полутора тысяч утопленных новорожденных.

Известно, по крайней мере, об одном случае, когда мать предпочла ритуалу «крещения» новорожденного в бочонке с водой, процедуру «приобщения к богу» в газовой камере.

Свидетельствует польская акушерка, узница Освенцима Станислава Лещинская:

Заклученная беременная женщина доставлена в лагерь из Вильно. Только что завершились роды – в мир явился еще один малыш, возвестивший своим первым криком – *«Вот и я!»*. После чего кто-то из охраны выкрикивает номер роженицы.

«Я поняла, что ее «приглашают» в крематорий. В ответ на мои увещевания – оставить ребенка, которого, возможно, удастся каким-то образом спасти, она завернула его в грязную бумагу и прижала к груди... Ее губы беззвучно шевелились – видимо, она пыталась спеть малышу песенку... Но у этой женщины не было сил... Она не могла издать ни звука. Только большие слезы текли из-под ее век, стекали по необыкновенно бледным щекам, падая на головку маленького приговоренного...»

Мадонна с тесно прижатым к груди младенцем в колонне с другими жертвами под ударами плетей и угрожающие визги конвоиров отправляется в «гости» туда, где не бывает опозданий.

P. S. *«Точно так же, как существует иерархия святости, в которой подвижник не равен мученику, мученик не равен святому, а святой не равен апостолу – точно так же существует иерархия зла. Данте написал поэму именно про то, что градация зла имеется – и по сложности она равна иерархии добра. Когда Данте с Вергилием спускаются по кругам Ада вниз,*

к ледяному болоту Коцита, они последовательно проходят ступени падения нравственности: есть очень много уровней зла. Убийца хуже, чем вор, но убийца детей хуже, чем просто убийца, а тот, кто убил много детей хуже, чем тот, кто убил одного ребенка» (Максим Кантор).

«Рожать детей – нелепо...»

Обожженный ужасами гитлеровских концлагерей лауреат Нобелевской премии по литературе Имре Кертес вопрошает:

Как можно жить после всего пережитого и смотреть людям в глаза, зная, на какую дьявольскую мерзость они способны? Как им верить? Как можно продолжать любить после этого ада, после дыма печей, после этого безумного торжества смерти?

Безответное вопрошание прорывается отчаянием и достигает кульминации в монологе – молитве о нерожденном ребенке, который автор вкладывает в уста героя своей повести «Кадиш».

Утративший веру в людей и в Бога, в смысл бытия – в ответ на желание супруги, подавшейся таинственному необоримому зову природы – стать матерью, он отвечает категорическим «Нет!».

Это самое страшное «*Нет!*», которое может сорваться с уст мужчины в ответ на просьбу любимой женщины. Ведь если человек отказывается от одного из основных предназначений – продолжения рода, это означает, что впереди – катастрофический обвал, крушение цивилизации, охваченной языками, вырвавшимися из преисподней пламени всепожирающего огня.

Глава VI

Человек ли это (!?)

Я не имел права на какие-либо чувства... Я был обязан быть еще более суровым, бесчувственным и беспощадным к судьбе узников. Я видел все очень ясно, иногда даже слишком реально, но мне нельзя было поддаваться этому. И перед конечной целью – необходимостью выиграть войну – все, что умирало по пути, не должно было меня удерживать от деятельности и не могло иметь никакого значения.

Рудольф Франц Гесс

В предисловии к «Выбору Софи» – одного из наиболее известных романов Уильяма Стайрона, описывающего трагическую историю женщины, сумевшей выжить в концентрационном лагере Освенцим, американский автор рекомендует к обязательному прочтению автобиографию коменданта этой зловещей фабрики смерти Рудольфа Гесса:

«Ее, бесспорно, должны прочесть во всем мире преподаватели философии, священнослужители, несущие слово Господне, раввины, шаманы, все историки, политические деятели и дипломаты, активисты освободительных движений, независимо от пола и убеждений, юристы, судьи, актеры, кинорежиссеры, журналисты – короче, все, кто хотя бы отдаленно влияет на сознание своих сограждан... Дело в том, что, читая Гесса, мы обнаруживаем, что в действительности мы не имеем понятия о подлинном зле: зло, выведенное в большинстве романов, пьес и кинофильмов, примитивно, если вообще не фальшиво, такая низкопробная смесь жестокости, выдумки, невропатических ужасов и мелодрамы».

«Директор» Программы уничтожения

На вопрос американского психиатра Леона Голденсона, переживал ли комендант Освенцима, убивая детей того же возраста, что и его собственные дети, которые вместе с их матерью жили на территории лагеря рядом с отцом, Гесс категорическим тоном ответил:

«Я лично никого не убивал. Я просто был директором Программы уничтожения».

К реализации Программы уничтожения герр комендант приступает во всеилии своего организаторского таланта.

«С самого начала мне стало ясно, что из Освенцима что-то полезное может получиться лишь благодаря неустанной упорной работе всех – от коменданта до последнего заключенного. Но для того, чтобы иметь возможность впрячь в работу всех, мне пришлось покончить с устоявшимися традициями концлагерей. Требуя от подчиненных высшего напряжения, я должен был показывать в этом пример.

Когда будили рядового эсэсовца, я вставал тоже. Прежде чем начиналась его служба, я проходил рядом, а уходил позже. Редкая ночь в Освенциме обходилась без того, чтобы мне не позвонили с сообщением о чрезвычайном происшествии» (Рудольф Гесс. Автобиографические заметки).

На вопрос: Каким образом стали возможны ужасы концентрационных лагерей? – следует раздраженный ответ:

«Я уже достаточно сообщил раньше, а также в описаниях отдельных персон. Лично я их никогда не одобрял. Никогда я не обращался жестоко ни с одним заключенным, тем более ни одного из них не убил. Я также никогда не терпел жестокого обращения с ними со стороны своих подчиненных. Меня мороз по коже продирает, когда сейчас, в ходе следствия, я слышу о чудовищных истязаниях в Освенциме и в других лагерях».

«Так точно! Да!»

«Обвинитель:

– *Вы с 1940 по 1943 год были комендантом лагеря Освенцим?*

Гесс:

– *Так точно.*

Обвинитель:

– *За это время сотни тысяч людей были там уничтожены. Это правда?*

Гесс:

– *Так точно...*

Обвинитель:

– *Правильно ли, что Эйхман заявил вам, что, в общем, в Освенциме уничтожено более двух миллионов евреев?*

Гесс:

– *Так точно.*

Обвинитель:

– *Через какие промежутки времени прибывали железнодорожные эшелоны и сколько примерно людей находилось каждый раз в эшелоне?*

Гесс:

– *До 1944 года соответствующие кампании проводились в разных странах... В течение примерно четырех-шести недель ежедневно прибывало два-три эшелона с примерно двумя тысячами человек каждый.*

Обвинитель:

– *Правильно ли, что по прибытии в лагерь жертвы должны были снять с себя всю одежду и сдавать ценные вещи?*

Гесс:

– *Да.*

Обвинитель:

– *И затем их сразу же отправляли туда, где их ждала смерть?*

Гесс:

– *Да.*

Обвинитель:

– *Смерть наступала через 10 15 минут, как вы мне об этом уже говорили. Не так ли?*

Гесс:

– *Да, так точно».*

(Из протоколов допроса на Нюрнбергском процессе)

Абсолютно нормален (!)

Тюремную камеру подследственного Рудольфа Гесса посещает врач-психиатр – офицер американской армии Джильберт. Заключение Гесс предвосхищает предполагаемый вопрос от посетителя:

– *Вы хотите знать, нормальный ли я человек?*

– *А что вы сами по этому поводу думаете?* – поинтересовался Джильберт.

– *Разумеется, такой вопрос вполне правомерен по отношению к убийце миллионов...*

– *И все же, каково ваше мнение?*

– *Я абсолютно нормален, – поспешно отвечает палач. – Даже отправляя на тот свет миллионы людей, я вел вполне нормальную семейную жизнь...*

Рудольф Гесс – абсолютно искренен, утверждая, что «вел вполне нормальную семейную жизнь».

Отправляя каждый божий день тысячи невинных жертв на Голгофу, которая находилась всего лишь в каких-то сотнях метрах от его семейного гнездышка, он не испытывает никакого чувства дискомфорта. Ни крики и стоны отправляемых в газовые камеры матерей с детьми, ни проклятья стариков, ни предсмертные мучения жертв, ни запах сжигаемой человеческой плоти, денно и ночью извергаемый из труб крематориев, никак не мешают исполняющему пресловутый долг палачу предаваться простым радостям жизни – наслаждаться домашним покоем, вдыхать аромат радующих глаз цветов, одарять лаской собственных деток и тому подобное:

«...Моей семье жилось в Освенциме хорошо. Каждое желание, возникавшее у моей жены, у моих детей, исполнялось. Дети могли жить свободно и безмятежно... У жены был настоящий цветочный рай. Заключение делали все, чтобы сделать приятное моей жене и детям, чтобы оказать им любезность... Вся семья отличалась любовью к сельскому хозяйству и особенно ко всяким животным. Каждое воскресенье я вместе с семьей объезжал поля, обходил стойла для животных, не исключая и псарни. Две наши лошади и жеребенок пользовались особой любовью. В саду у детей всегда водились какие-нибудь зверьки, которых им вечно приносили заключенные. То черепахи, то куницы, то кошки, то ящерицы – всегда в саду было что-нибудь новое, интересное. Летом дети плескались в бассейне в саду, или в речке Соле. Самой большой радостью для них было плескаться вместе со своим папочкой».

«Здесь хочу жить и здесь мечтаю умереть...»

Атмосфера райских кущ – Садов Эдема, окружающая особняк Гесса, расположенного в царстве смерти, рождает у фрау Гесс трогательное пожелание.

«Здесь хочу жить и здесь мечтаю умереть» – делится она сокровенными мыслями со своим садовником – польским узником Станиславом Дубелем.

Поддержанию романтической ауры райского сада, окружавшей семейное гнездышко палача, помогают спецпоставщики бесплатных услуг и благ в дом коменданта, среди которых выделяется немец по фамилии Гренке.

Уголовный преступник, капо, отличавшийся особым зверством в обращении с подвластными жертвами, Гренке – не без поддержки коменданта лагеря – меняет статус узника на гражданского служащего. В должности менеджера подведомственной кожевенной фабрики, на которой трудятся около восьмисот тружеников-рабов, он обеспечивает производство продукции, удовлетворяющей повседневные бытовые и прочие нужды профессиональных убийц.

С его легкой воровской руки в дом коменданта, бескомпромиссного блюстителя орднунга-порядка, бесплатно поступают кожаные кресла, люстры, всевозможные кожаные папки, дамские сумочки, чемоданы, обувь, разные предметы из кожи и металла.

Важным источником пополнения семейного гардероба Гессов служат вещи, отправленных в газовку узников – жена Гесса не брезговала даже их бельем. Ее дети носили одежду убитых детей, играли в их игрушки. Квартиру герра коменданта украшали украденные дорогие ковры и различные вещи убиенных.

Неплохо в фазенде Гесса обстояло дело и с питанием. Отличаясь вовсе не характерным для немцев расточительством, семья Гесса часто устраивает обильные застолья.

«Перед каждым таким приемом, – вспоминает их личный садовник Дубель, – жена Гесса говорила мне, что ей будет нужно или приказывала поговорить об этом с узницей-кухаркой Софией. Ни денег, ни продовольственных карточек, необходимых для покупки продуктов, она не давала».

Через другого узника Станислав Дубель устанавливает контакт с заведующим продовольственным лагерным складом унтершарфюрером Шебаком, которому дает ему понять – за воровство в пользу начальника его ожидает повышение по службе. Унтершарфюрер не долго борется с искушением – на столе коменданта абсолютно бесплатно появляются всякие вкусности.

Не лошастью единой...

Впрочем, временами случается и такое...

«Какое-нибудь событие, которое приводило меня в смятение, не давало мне пойти домой, к своей семье. Тогда я садился на лошадь и на скаку избавлялся от жутких картин. Нередко я приходил ночью в конюшню и там, среди своих любимцев, находил успокоение» (Рудольф Гесс. Автобиографические записки).

Место ночных посещений герра коменданта – не только конюшня, где сей рыцарь смерти седлает коня лихого, на котором пытается избавиться *«от жутких картин»*, но и нечто более соблазнительное...

В тюремной исповеди палача Гесса, где он отчитывается в мельчайших деталях о немислимом, перед нами верный долгу службы и приказу солдат – человек, *«который с самого детства привык слушать только приказы: сначала отца, потом боевых командиров, потом мастера на заводе, потом рейхсфюрера Гиммлера. Он как будто ни в чем не виноват – он всегда старается честно делать то, что ему поручено. Своя жизнь, чужие жизни при этом не имеют никакого значения. Приказы не обсуждаются. Все человеческое в нем заморожено задолго до Освенцима»* (из предисловия к книге Робера Мерля «Смерть – мое ремесло»).

Приказы – приказами... Однако в какой-то момент в тебе что-то прорывается – ты сбрасываешь с себя мундир – воплощение верховного цензора, ставшего твоим суперэго, отделяющим дозволенное от недозволенного...

И ты во власти не знающего идеологических и прочих границ изначального животного побуждения, не подконтрольной даже фюреру таинственной силы. И ты уже не солдат рейха – воплощение непоколебимой стойкости нордического характера, не бесстрашный распорядитель жизни и смерти сотен тысяч узников – но всего лишь одержимое темным вождением слабое существо.

Подобно вору в ночи, ты прокрадываешься к ней, к той, которая помещена за колючую проволоку как преступница рейха, к ней, которая, по слухам, была еврейкой, которую ты можешь безнаказанно раздавить как насекомое – к своей узнице в заветную камеру-одиночку номер 26.

Но об этой слабости, унижающей достоинство «рыцаря» ночи, принадлежащего к элите убийц, ты не смеешь признаться даже себе.

Ты готов на листках бумаги поведать миру даже самые омерзительные детали творимых тобой злодеяний, но не смеешь даже обронить намека на «преступную» связь.

Ты испытываешь панический страх от мысли прослыть (даже посмертно) нарушителем кодекса пресловутой чести бездушной машины – корпорации убийц, служению которой торжественно присягал: *«Эсэсовец, твоя честь называется верность»* (нем. – *«SS-Mann, deine Ehre heißt Treue»*). Любое отступление от девиза – позор, который можно смыть только собственной кровью:

«Если твой друг ведет себя недостойно, – убеждает подопечных головорезов Генрих Гиммлер, – ты должен сказать ему: "Уходи!". Ну а если он запятнал позором нашу форму, твой долг – дать ему пистолет с одним патроном и время на выстрел».

Никто из собратьев по цеху убийц оберштурмбанфюреру пистолета с одним патроном не вручил. Выстрел, с помощью которого нарушитель кодекса чести должен был добровольно расстаться с жизнью, не последовал.

Сведения о недозволенных страстях, не вписывающихся в кодекс мундира, мы черпаем из показаний потерпевшей – узницы подведомственного герр коменданту концлагеря Освенцим Элеоноры Ходис, которые зафиксированы в протоколах эсэсовского судьи д-ра Моргена (Nurnbg. Doc. №–2366) в процессе то ли судебного расследования, то ли дисциплинарной разборки, которой был подвергнут оберштурмбанфюрер по прибытию в Берлин, куда был отозван в ноябре 1943 года.

За дверью заветной камеры

Фашизм, полагает итальянский ученый, философ Умберто Эко, переносит свое стремление к власти также и на половую сферу. При этом воспитанный в духе перманентной войны и героических деяний адепт фашизма *«играется с пистолетом, то есть эрзацем фаллоса»*.

В минуты одолевающей его человеческой слабости наш герой, предпочитает использовать в качестве эрзаца пистолета свой фаллос.

«Насколько я помню, это было 16 декабря 1942 года, около 11 часов вечера. Я спала, как вдруг передо мной возник комендант. Я не слышала, как открылась дверь моей камеры и очень испугалась. В камере было темно» – вспоминает Элеонора Ходис.

Решив, что перед ней эсэсовец либо заключенный, узница вскрикивает в темноту:

«Что за глупые шутки! Я тебе не разрешаю».

В ответ послышался похожий на шипение звук:

«Пст!»

Огонек зажженного карманного фонарика осветил лицо коменданта.

«Я воскликнула: "Герр комендант!" Затем мы оба долго молчали...

Гесс произнес первые слова: "Ты выходишь".

– Я спросила: "Прямо сейчас?"

Он снова сказал

– "Нет! Веди себя тихо, об этом поговорим потом" – и сел на мою постель в изголовье...

Затем он начал медленно сдвигаться с конца кровати и попытался поцеловать меня.

Я попыталась защититься и поднять шум...»

Вместо того чтобы броситься на беззащитную узницу, безжалостно терзать ее трепещущую плоть, – то ли от страха, то ли от предвкушения подзабытых ощущений, – бесстрастный убийца умоляет ее умолкнуть и сохранить в тайне неожиданное посещение.

Первый визит к даме носит исключительно ознакомительный характер. И, посему, ограничивается скромной попыткой поцелуя. Он, безжалостный палач, вовсе не пытается брать ее силой. Ему не нужен полуживой на все готовый или инстинктивно сопротивляющийся труп. Ему нужна взаимность – растворенность в изначальном все соединяющем едином забытии.

Не более результативно и следующее свидание:

«Он спросил меня, почему я всегда так скрытна в общении с ним. Я сказала ему, что как комендант, он для меня важная особа и что он женат. Он сказал, что я не должна беспокоиться и что он знает, что делает. Он попросил меня быть его другом. Затем он снова попытался меня поцеловать и приласкать...»

Настойчивость оберштурмбанфюрера, с которыми он полон решимости доказать свою мужскую состоятельность в объятиях добровольно отдающейся женщины, завершаются победой. Ворота неприступной крепости распахиваются.

«Он спросил, следует ли ему уйти. Я сказала: «Нет». Он спросил, что я могу сказать. Я сказала ему, что он знает, что я могу сказать. Тогда он пришел ко мне в постель, и у нас было половое сношение».

Из последующих сеансов половых сношений в памяти узницы запечатлена ночь, когда в самый неподходящий момент раздался сигнал тревоги. Изнутри включили свет, и послышались шаги дежурного надзирателя:

«Голый Гесс скрылся за дверью, а я спрятала его униформу в постели... Когда все успокоилось, Гесс оделся и вышел. Но вскоре он вернулся и сказал,

что не хотел бы выходить в лагерь, потому что там много людей. Он ушел от меня после часа ночи».

Обнаженный, трясущийся за дверью от страха предстать перед подчиненными без мундира герр комендант пытается одной рукой дотянуться до символа своей «истинной мужественности» – к эрзацу фаллоса – пистолету, прикрывая другой еще не успевшую расслабиться плоть.

Всего, по подсчету узницы, *«у нас было четыре или пять ночных половых сношений».*

Неизвестно, насколько – за время этих немногочисленных ночных сношений – Руди Гесс успел проявить себя успешным самцом. Тем не менее следует отдать должное их результативности – одно из осемений, которым он почтил лоно узницы, привело к зачатию новой жизни – дьявол зачал потомство.

В панике перед незапланированным последствием таинственной связи оберштурмбан-фюрер предпринимает срочные меры – беременность должна быть прервана.

«Это было в апреле или мае 1943 года. Госпожа Регенштайт сказала мне взять длинную иглу, чтобы открыть яичник, и положить внутрь калийное мыло... При помощи зеркала я попробовала это сделать и потеряла много крови, а место сильно распухло. Попытка оказалась безрезультатной».
Плод дьявола остался неудаленным.

Р. S. В своем «Предисловии» к «Автобиографическим заметкам Рудольфа Гесса» Мартин Брозат нам напоминает:

«Подретушировал Гесс и описание своих отношений с женщинами – например, он умалчивает об интимных связях с еврейкой, которые поддерживал, будучи комендантом Освенцима, и за которые чуть не предстал перед эсэсовским судом».

Уступая одолевшему вожделению, Гесс решительно наступает на горло собственным принципам, о которых убийца торжественно поведал в своих воспоминаниях:

«Я никогда, – не без чувства гордости сообщает он, – не мог болтать о таких вещах – половые отношения без любви стали для меня немыслимы. Таким образом я оберегся от любовниц и борделей».

Вопреки торжественно продекларированным запретам, лишенное партийной принадлежности либидо подталкивает герра коменданта в объятия женщины в заведении, вряд ли более почтенном, чем какой-то бордель.

Впрочем, как оказалось, узница подведомственного лагеря не только тайно, под покровом ночи, удовлетворяла неподвластное партийной дисциплине вожделению герра коменданта, но и питала не менее важную страсть, для которой и день не помеха – страсть, питающаяся более осязаемыми результатами, чем минутный оргазм – страсть к накоплению материальных богатств.

Удовлетворение этой страсти Элеонора, или просто Нора, исполняет в роли «труженицы» расположенного на территории лагеря «предприятия» под брендом «Канада». Здесь в должности супервайзера она распоряжается «золотым запасом» и прочими ценностями, изъятыми у владельцев-узников в момент обработки и подготовки их к процедуре истребления.

О том, насколько исполняемая узницей Элеонорой должность позволила ей обогатить своего благодетеля за счет ограбленных узников, остается исторической тайной. Однако ее деятельность на «трудовом поприще», по-видимому, заслуживает высокой оценки. О чем может свидетельствовать кличка, которой она удостоилась среди узников – «бриллиантовая Нора».

Всадник апокалипсиса

И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним...

Откровение Иоанна Богослова. 6:7–8

С детских лет малыш Руди (будущий комендант и палач Освенцима-Аушвица), воспитанный богобоязненными католическими родителями, любил возиться с животными, чистил лошадей, дружил со всеми собаками в округе. На семилетие мать и отец дарят сыну пони Ганса. Мальчик сходит с ума от радости. Он часто слышит рассказы миссионеров, с которыми общается отец.

«Папа, – восклицает вдохновленный рассказами странников божьих восторженно малыш, – я обязательно стану миссионером!»

«Поэтому-то, сынок, – отвечает отец, – мы и совершим с тобой паломничество в Лурд, чтобы просить заступничества Непорочной». Когда они оказались перед священным для католиков гротом в Лурде, сынок замечает слезы на глазах отца. Встревоженный Руди прижимается к нему:

– Папа, почему ты плачешь?

– Понимаешь малыш, – признался отец, – странное беспокойство овладело душой моей, когда я подумал о тебе. Не могу понять, почему. Молю Пречистую о том, чтобы ты стал порядочным человеком.

Одержимый дурным предчувствием отец Руди, видимо, не напрасно всплакнул, умоляя Пречистую о том, чтобы его отпрыск стал порядочным человеком.

Увы! Пречистая либо не вняла страстной молитве отца Руди, либо вынуждена была оступить пред более грозной Силой, у которой на миссионерскую деятельность малыша были свои особые виды.

Не этой ли грозной Силе Тьмы адресует свои предсмертные откровения всадник апокалипсиса – палач Гесс?

«Я все хорошо видел, порой слишком хорошо, но я ничего не мог поделать. Никакие катастрофы не могли остановить меня на этом пути. Все соображения теряли смысл ввиду конечной цели... Такой виделась мне тогда моя задача... Я должен был делать на родине самые страшные вещи... По воле РФСС (рейхсфюрера СС Гимmlера) Освенцим стал величайшей фабрикой смерти всех времен».

Плачущие дети, в ужасе прижимающиеся к своим матерям... Кажется, – вот-вот что-то должно вздрогнуть в груди палача. Но нет – присяга, чувство пресловутого долга удерживают храброго воина от проявления недостойного чувства сострадания.

Взгляд убийцы завораживает охваченные смертельным ужасом, пытающиеся спасти своих младенцев женщины.

«Как-то раз одна женщина приблизилась ко мне во время шествия в камеру и прошептала, показывая на четверых детей, которые послушно держались за руки, поддерживая самого маленького, чтобы он не споткнулся на неровной земле: "Как же вы сможете убить этих прекрасных, милых детей? Неужели у вас нет сердца?"».

Может ли он «убить этих прекрасных, милых детей» – пустая риторика. Разумеется, не просто может – долг повелевает ему это сделать.

«Однажды два маленьких ребенка так заигрались, что мать не могла оторвать их от игры. Взяться за этих детей не захотели даже евреи из зондеркоманды. Никогда не забуду умоляющий взгляд матери, которая знала о том, что произойдет дальше. Уже находившиеся в камере начали волноваться. Я должен был действовать. Все смотрели на меня. Я сделал знак дежурному унтерфюреру, и он взял упиравшихся детей на руки, затолкал их в камеру вместе с душераздирающе рыдавшей матерью. Мне тогда хотелось от жалости провалиться сквозь землю, но я не смел проявлять свои чувства».

«Убивать или не убивать!» – дилемма для слезливого романтического персонажа. Для рыцаря смерти, одержимого высокими идеалами служения фюреру и отечеству – это звучит бессмысленной фразой.

«Я должен был спокойно смотреть на все эти сцены... Нам следовало осуществлять уничтожение хладнокровно, без жалости и как можно быстрее. Малейшее промедление при этом позднее будет жестоко отомщено. Ввиду такой железной решимости мне приходилось прятать свои человеческие сомнения».

Ничего личного

Я хотел бы здесь подчеркнуть, что лично не испытывал к евреям ненависти, хотя они были врагами нашего народа. Они были для меня такими же заключенными, как и все остальные, и обращаться с ними следовало так же. В этом я никогда не делал различий.

Р. Гесс

Речь шла просто об исполнении приказа (!)

«Я тогда не рассуждал; мне был отдан приказ – я должен был его выполнять. Было необходимым это массовое уничтожение евреев или нет, я рассуждать не мог, для этого тогда еще не пришло время. Раз сам фюрер распорядился об "окончательном решении еврейского вопроса", старые национал-социалисты не смели раздумывать, тем более офицеры СС. "Фюрер приказал – мы исполняем" – это ни в коем случае не было для нас фразой, поговоркой. Принимать это изречение приходилось на полном серьезе» (Р. Гесс).

Информация к размышлению

В одной из своих бесед с посетившим его в камере нюрнбергской тюрьмы психологом Густавом Гилбертом Гесс вдруг сообщает, что никогда в жизни не занимался онанизмом. Это было сказано так, что создавалось впечатление – палач каким-то образом пытается уравновесить зло убийства миллионов узников добродетелью воздержания от онанизма, позволившее сохранить «жизнеспособность» немыслимому числу расово ценных сперматозоидов, сохраняя их от извержения ненадлежащим образом.

В своей книге *«Смерть – мое ремесло»*, прототипом главного героя которого является комендант Освенцима Рудольф Гесс, Робер Мерль одно из центральных мест уделяет описанию отцовских мер по подавлению у сына побуждений заниматься мастурбацией. В числе таковых – портрет дьявола, помещенный в туалете на двери напротив унитаза.

Общение с портретом извечного антипода Всевышнего в интимнейшие моменты естественных испражнений, в минуты острой борьбы между постыдными влечениями к мастурбации и жестким отцовским запретом, возможно, сыграло не последнюю роль в травмировании неустойчивой психики формировавшегося в монстра прыщавого подростка.

Глава VII

Расстрел – не элегантен

Мы должны развивать технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я под этим понимаю, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц, и это моя задача. Я имею право устранить миллионы, принадлежащие к низшим расам, которые размножаются, как черви.

А. Гитлер. Из выступления в канун Второй мировой войны.

Масштабы предстоящего истребления людей требовали соответствующей логистики, которая обеспечивала бы быстрое и эффективное достижение результатов. Поиск подходящего решения поставленной самим фюрером задачи – высший приоритет для ответственных исполнителей, которым доверен этот важный фронт работы, который находится под высочайшим контролем рейхсфюрера Генриха Гиммлера.

С инспекционной поездкой для наглядного знакомства с применением техники «обезлюживания» на местах в августе 1941 года рейхсфюрер посещает оккупированный Минск.

Высокого гостя и сопровождающего его начальника штаба СС Карла Вольфа в минском аэропорту встречает группенфюрер Артур Небе.

По случаю прибытия важного чиновника в программе, разработанной при непосредственном участии поэта и драматурга, ветерана СС гауляйтера Кубе и автора солидного учебника по криминалистике Артура Небе, центральное место отводится показательной казни узников Минского гетто.

На предложение развлечься «по-тевтонски», которое последовало сразу после выступления Гиммлера перед высшими офицерами айнзатцгруппы (карательные отряды специального предназначения СД по организации массовых казней) – оказать честь своим личным присутствием на очередной казни, рейхсфюрер СС, по воспоминаниям Вольфа, отреагировал: *«Хорошо – я смогу хоть раз увидеть все сам»*. До этого момента, утверждает Вольф, Гиммлеру никогда не приходилось быть непосредственным свидетелем того, как убивают человека.

На следующее утро рейхсфюрер в сопровождении Небе и генерала полиции фон Бах-Залевского – на месте «представления».

Зрелище массового убийства изначально завораживает высокого гостя – он упивается картиной казни, любителю слаженными, отработанными действиями подопечных парней.

Все идет вроде бы по заранее расписанному. И вдруг – нечто непредсказуемое: великому магистру смерти – плохо от зрелища истекающих кровью женщин, которые ранены, но не убиты сразу – несчастные продолжали шевелиться и звать на помощь.

Комментируя случившееся, Бах-Залевский сочувственно замечает: палачи – храбрые германские ребята – также потрясены делом своих рук: *«Посмотрите на этих людей, – озабочено обращается он к начальству – У них уже нет нервов на всю оставшуюся жизнь. Мы выращиваем невротиков и варваров»*.

Гиммлер вскакивает, обвиняя убийц в непрофессионализме. Трясущегося и впавшего в истерику шефа подхватывает Карл Вольф и помогает ему добраться до своей машины – до «хорьха» с номером SS-1, устремившегося на вокзал, где высокого гостя ожидал личный бронепоезд.

PS. *«Расстрел – не элегантен, – вскоре заметит еще одно должностное лицо, свидетель массовых расправ и распорядитель судьбами миллионов невинных жертв Адольф Эйхман, – он плохо действует на психику солдат»*.

Лесс (прокурор): *Господин Эйхман, вы хотели рассказать о ваших посещениях лагерей уничтожения.*

Эйхман: *Так точно, конечно! Мюллер приказал мне: «В Минске расстреливают евреев. Прошу представить доклад, как это происходит». Поэтому я поехал в Минск... И там я спросил начальника. Еще помню, что его не было на месте. Я обратился к кому-то другому и сказал, что у меня приказ – посмотреть... это... Когда я пришел, то видел только, как молодые солдаты, я думаю, у них были череп и кости на петлицах, стреляли в яму, размер которой был, скажем, в четыре-пять раз больше этой комнаты... Стреляли сверху вниз, еще я у видел женщину с руками за спиной, и у меня подкосились ноги.*

Лесс: *Яма была полна трупов?*

Эйхман: *Она была полна. Я ушел оттуда к машине, сел и уехал. Поехал во Львов... Прихожу к начальнику гестапо и говорю ему: «Это ужасно, что там делается... Ведь там из молодых людей воспитывают садистов... Я говорил это каждому. И там фюреру во Львове я сказал: «Как можно вот так просто палить в женщину и детей? Как это возможно?... Ведь нельзя же... Люди либо сойдут с ума, либо станут садистами, наши собственные люди» (Йохен фон Ланг. Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле).*

«Неподобающий» способ массового истребления человеков, связанный с солидными материальными издержками – на каждую жертву по одной, а иногда и более пуль – плюс моральная травма, грозящая превратить храбрых рыцарей рейха в невротиков и варваров – требует серьезной корректировки.

В поисках технического решения

«Весной 1942 года, – по свидетельству Отто Олендорфа, деятеля германских спецслужб, группенфюрера СС, – поступил приказ от Гиммлера изменить метод казни прежде всего женщин и детей».

Во исполнение приказа задействован серьезный технический потенциал нации и традиционно свойственный Германии высокий уровень организации. Ведущий разработчик проекта, ответственный за ракетную программу и, одновременно, за проектирование концлагерей – главный инженер СС Ганс Каммлер.

На рассмотрении экспертной комиссии – передвижная камера смерти (душегубка на колесах – мобила).

Краткая характеристика: мобильная газовая камера – газваген. Используется для отравления людей угарным или выхлопным газом. Производится в двух вариантах – вместимостью на 30–50 человек и на 70–100 человек. Произведена двумя берлинскими фирмами. Устанавливается на шасси грузовых автомобилей моделей Опель-Блиц, Даймонд Рео, Рено. Выглядят обычными фургонами. Сконструирована таким образом, что с запуском двигателя – выхлопные газы подаются в закрытый кузов, умерщвляя в течение десяти-пятнадцати минут всех, кто там находится.

По заключению авторитетных экспертов, при всех своих достоинствах новинка не полностью отвечает поставленным целям:

«Захоронение погибших в грузовиках с газовыми камерами, – сетует Олендорф, – было тяжелейшим испытанием для личного состава отрядов спецакций».

Подобное мнение разделяет и один из разработчиков душегубок, доктор Беккер. В своем письме в штаб СД он возражает против того, чтобы персонал СД выгружал трупы удушенных газом, на том основании, что *«всем занятым на этой работе могут быть нанесены сильнейшие психологические травмы и причинен серьезный ущерб здоровью. Они жаловались мне на головную боль, появляющуюся после каждой такой выгрузки».*

Вместе с тем доктор обращает внимание вышестоящего начальства на ошибки в эксплуатации «газвагенов», связанные с «человеческим фактором»:

«Применение газа не всегда осуществляется правильно. Для того чтобы поскорее завершить операцию, водитель нажимает на акселератор до отказа. При этом лица, подлежащие умерщвлению, погибают от удушья, а не от отравления газом, погружаясь при этом в сон».

Из «гуманистических» побуждений доктор Беккер настаивает на необходимости точного соблюдения технологии истребления жертв:

«Мои рекомендации подтвердили теперь, что при правильной регулировке рычага смерть наступает быстрее и узники засыпают мирным сном. Искаженных от ужаса лиц и экскрементов, как это было раньше, не наблюдается».

«Искаженные от ужаса лица и экскременты», травмирующие сентиментальных палачей, – одна из претензий, возможно, не самых важных, в адрес газвагена.

Другой, по-видимому, более существенный недостаток газвагена – низкая производительность, не соответствующая масштабам предполагаемого истребления.

В целом ноу-хау, полученное в опыте удушения людей с помощью газа, признается целесообразным – и берется на вооружении при строительстве стационаров по массовому производству трупов в лагерях смерти.

«Щадящее» обращение

Именоваться флагманом индустрии по масштабам производства трупов и эффективности применяемой «прогрессивной» технологии истребления узников по праву завоевывает лагерь смерти Освенцим-Аушвиц. Во главе разработчиков столь масштабного проекта – оберштурмбанфюрер Рудольф Гесс, который лично тестируют внедрение в производство новых разработок. Полученные результаты впечатляют:

«Смерть в переполненных камерах наступала тотчас же после вбрасывания. Краткий, сдавленный крик – и все кончалось. Первое удушение людей газом не сразу дошло до моего сознания, возможно, я был слишком сильно впечатлен всем процессом» (Гесс).

Неизгладимый след в памяти герра коменданта оставляет один из первых экспериментов массового удушения узников, выпавший на долю русских военнопленных. Их душили в помещении старого крематория, так как в силу различных причин использование для этой цели экспериментального блока 11, где на постоянной основе располагалась пыточная тюрьма лагеря, считалось нецелесообразным.

«Русские должны были раздеться в прихожей, а затем они совершенно спокойно шли в морг, ведь им сказали, что у них будут уничтожать вшей. В морге поместился как раз весь транспорт. Двери закрыли, и газ был всыпан через отверстия. Как долго продолжалось убийство, я не знаю. Но долгое время еще был слышен шум. При вбрасывании некоторые крикнули: «Газ», раздался громкий рев, а в обе двери изнутри стали ломиться. Но они (разумеется, двери!) выдержали натиск. Лишь спустя несколько часов двери открыли и помещение проветрили. Тут я впервые увидел массу удушенных газом...»(Гесс).

Результатами применения новейшей технологии массовых убийств герр комендант вполне удовлетворен. Ведь вплоть до этого момента, признается палач, «ни Эйхман, ни я не имели представления о способах убийства ожидавшихся масс... А теперь мы открыли и газ, и способ...».

Не забывает Гесс подчеркнуть и психологическую составляющую отработываемого метода массового истребления: «Я всегда боялся расстрелов, когда думал о массах, о женщинах и детях. Я уже отдал много приказов об экзекуциях, о групповых расстрелах, исходивших от РФСС или РСХА. Но теперь я успокоился: все мы будем избавлены от кровавых бань, да и жертвы до последнего момента будут испытывать щадящее обращение»...

Р. С. Открытие эффективного «во всех отношениях» способа массового уничтожения жертв воодушевляет герра коменданта, находившегося под глубоким впечатлением от рассказов Эйхмана о практике «примитивных убийств», к которой прибегали айнзацкоманды – военнизированные эскадроны смерти на полях и весях оккупированных территорий Советского Союза:

«При этом разыгрывались ужасные сцены: попытки подстреленных убежать, убийства раненых, прежде всего женщин и детей. Часто члены айнзацкоманд совершали самоубийства, не имея больше сил купаться в крови. Большинство солдат этих айнзацкоманд старались отвлечься от своей жуткой работы с помощью алкоголя. Согласно рассказам Хёфле, люди Глобочника, служившие в местах ликвидации, поглощали множество алкоголя»... (Гесс).

«Торопитесь, господа, еда и кофе стынут» (!)

Прежде чем внедрить свой «прогрессивный» вариант технологии массового истребления – с учетом более высокой производительности труда и минимализации травматического эффекта на чуткую к человеческим страданиям психику эсэсовских палачей – Гесс знакомится с опытом профильно родственных предприятий. В частности, он посещает концентрационный лагерь Треблинку, который наряду с другими лагерями смерти – Бельзек и Волзек – к тому времени уже успели наладить более или менее успешное массовое истребление жертв с помощью газа.

«Я посетил Треблинку и познакомился на практике с применяемой там технологией истребления. Комендант лагеря сообщил мне, что в течение полутора лет им удалось ликвидировать восемьдесят тысяч человек. При этом он выразил озабоченность по поводу нехватки мощностей... Я пришел к выводу, что применяемый в Треблинке для удушения моноксидный (monoxide) газ не является достаточно эффективным. С учетом этого обстоятельства у себя в лагере Аушвице я использовал газ Zyklon B, кристаллизующийся в синильную кислоту... Для умерщвления находящихся внутри газовой камеры узников требовалось от трех до пятнадцати минут – в зависимости от климатических условий...» (Гесс).

Усовершенствование средств массового истребления узников, благодаря использованию газа Zyklon B (синильная кислота), сопровождается технической революцией – возводятся газовые камеры «с разовой пропускной способностью в 2 тысячи человек, в то время как в десяти газовых камерах Треблинки можно было истреблять за один раз только по 200 человек в каждой».

Разрабатывая подходящие варианты логистики истребления людей в промышленных масштабах, Гесс не забывает о психологической составляющей процесса.

В отличие от «варварского метода», применяемого в Треблинке, где «каждый прибывший знал, что его ожидает, к нам не информированные о предстоящей участи узники относились с доверием» (Гесс).

Для поддержания атмосферы доверия между палачами и жертвами, высокое начальство СС прибывало к месту экзекуции в машинах с успокаивающей символикой Красного Креста. Нельзя в этой связи не отдать дань своеобразному юмору палачей, которым они подбадривали ведомых на смерть.

«Шутники-эсэсовцы напоминали раздевшимся детишкам, чтобы они не забыли взять с собой мыло и обязательно связали туфельки шнурками».

Другие шутники, потирая плечи узников принять «газовый душ», стимулировали их бодрящими фразами:

«Торопитесь, господа, еда и кофе стынут» (!)

На завершающей стадии операции юмор обретает более предметную и циничную тональность:

«Готово!» – бодрым голосом, преисполненным чувством исполненного долга, сообщает врач, поглядывая попеременно то на часы, то в глазок газовой камеры.

Затем звучит слово «камин» – ласковая кличка крематория – и игривое выражение «рыбкам на корм» – речь идет об образовавшемся после сжигания трупов пепле, загружаемом в грузовики для отправки на удобрение, либо на строительные нужды, либо просто для сбрасывания в реки – Вислу либо Солу на «корм» рыбкам.

Глава VIII

Демоцид

Освенцим – нечто более значительное, чем просто концлагерь, чем фабрика по производству трупов. Это производное особого типа мироощущения – ядовитый плод, взращенный сумеречным состоянием цивилизации, на фоне которого утвердился особый культ насилия.

Масштабы разыгравшегося культа насилия пытается определить профессор Гавайского университета Рудольф Руммель. Собранные факты, связанные с массовым насилием и бессудными расправами, и их анализ подводят его к характеристике XX столетия, как эпохи «демоцида», или «мегаубийства»:

«Собирая данные о демоциде, я погружался в атмосферу ужаса. Вскоре передо мною открылась ошеломляющая картина невероятного повторения следующих друг за другом режимов, правителей, под чьим контролем или управлением убивают, закапывают живьем, вешают, закалывают ножом, морят голодом, сдирают кожу с живой плоти, избивают, пытаются и т. п. И речь при этом идет не о десятках тысяч жертв, но о многих миллионах».
(Rummel R. J. *Genocide and Mass Murder Since 1900*. Univ. of Virginia, 1997)

По подсчетам автора, в среднем эта цифра за XX столетия приближается к 170 миллионам. При этом собранный материал позволяет ему прийти к далеко идущему заключению:

«Убивает любая власть, абсолютная власть убивает абсолютно».

При этом следует важное добавление: *«Жертвами демоцида (то бишь, бессудных расправ) за все прошедшее столетие оказалось в шесть раз больше людей, чем погибло на полях сражений всех войн, которые велись как между государствами, так и внутри стран»* (Там же).

Quo vadis? (Куда идешь?)

Никуда не деться, приходится рассматривать Освенцим как последнюю станцию, на которую Европа прибыла после двух тысячелетий построения этической и моральной культуры.

И. Кертес. Из Нобелевской речи

Освенцим и есть наивысший символ страданий, конечная станция, на которую привезли человечество.

Л. Гинзбург. Разбилось сердце мое

Дороги – зримое начало цивилизации. С момента выхода из первобытных троп на дорогу человечество оказывается в особом физическом и смысловом пространстве, где жизнь индивида обретает некий вектор, вместе с которым у него возникает ощущение странника, бредущего во времени из неизвестного откуда в манящее куда-то.

По истечению времен дорога жизни естественно завершается перед встречей с вечностью либо безвременно обрывается рукой палача.

Одно из выдающихся технических достижений античной цивилизации – римские дороги – запечатлено в горделивой фразе – «*Все дороги ведут Рим*». В сороковые – роковые годы XX столетия, на пике научно-технического взлета и прочих достижений западного общества, указатель цивилизационного маршрута европейских дорог на какое-то время заменен на злобный – «*Все дороги ведут в концлагерь*»...

С завидной регулярностью по вновь обозначенному доминирующему маршруту в концлагерь Аушвиц-Освенцим направляются транспорты с десятками тысяч жертв из Парижа (Дранси), Вены, Берлина, Копенгагена, Афин, Рима, Будапешта, Праги и других известных и не очень известных мест – знаковых обиталищ европейского духа.

Под защитой «страхового полиса»...

Дороги эти оказались под таинственным покровительством – ни единая бомба не удовлетворяет их своей взрывной мощи, ни единый партизан не предпринимает попытку вывести их из строя в момент следования по ним эшелонов смертников по намеченному графику.

Страховой полис, увы, распространяется не только на дороги смерти, но и на конечный пункт их назначения. Ни единая бомба не нацелена на разрушение инфраструктуры – логистики фабрики смерти, обеспечивающей непрерывное функционирование газовых камер и крематорских жаровен, выдающих на-гора до десяти тысяч трупов в сутки.

А между тем мученики Освенцима, как и других концлагерей, вызывают огонь на себя – умоляют обрушить бомбы на своих истязателей, будучи готовы при этом погибнуть сами. Смерть от «дружеской» бомбы представлялась им неизмеримо более достойной и осмысленной, чем от рук палачей:

«Когда мы видели, что над нами пролетают американские или британские самолеты, мы усердно молились: "Пожалуйста, сбросьте хотя бы одну бомбу на лагерь. Если сможете, уничтожьте его". Какой прекрасной была бы смерть, если бы мы знали: я умираю, потому что кто-то обо мне заботится, а не потому что все меня ненавидят. Мы благословляли смерть в схватке с этим звериным врагом», – свидетельствует бывшая узница Освенцима (Уильям Перл. Холокост как заговор...).

20 августа 1944 года – по Освенциму проносится тревожно-радостный слух: «Бомбардировщики наконец летят сюда!» Слышится мощный гул моторов – в безоблачном небе 227 американских самолетов – 127 тяжелых бомбардировщиков класса «летающая крепость» и сотня сопровождающих их истребителей. Рядом раздаются мощные взрывы. Земля трясется под ногами. В лагере слышатся возгласы – «Они пришли! Они здесь!».

Они пришли... Но они вовсе не «здесь», вернее, не там, где их так страстно ожидали. Согласно боевому заданию, авиация осуществила точечную бомбардировку химического завода в Моновице – всего в восьми километрах от газовых камер.

Сразу же после не состоявшегося налета целехонькие газовые камеры продолжали исправно работать – душили в своих объятьях очередные партии жертв.

Утверждается, что трубы крематориев летящим бомбить вражеские стратегические объекты летчикам зачастую служили важным ориентиром на местности.

Достоин упоминания и такой факт – истории неизвестны серьезные операции, в ходе которых какие-либо спецотряды сил антигитлеровской коалиции либо примкнувших к ним борцов Сопротивления помогли бы узникам концлагерей как-то облегчить их участь – устроить побег либо оказать помощь в вооруженном отпоре палачам.

«Имеющий уши да услышит...» (Qui Aures Habet, Audiat)

Ни подъездные пути, ни газовни, ни печи Освенцима-Биркенау союзники не бомбили. Их бомбардировщики пролетали над лагерями смерти, но цели их были иными. Возможно, это прозвучит кощунственно, но фактически союзники поддерживали работу Освенцима. Концлагерь был освобожден совершенно случайно советскими войсками. Приказа такого не поступало, хотя высшее командование стран-союзников по антигитлеровской коалиции об Освенциме знало с конца 1943 года. Советские солдаты и офицеры 60-й армии, освобождавшие Освенцим, узнали о его существовании накануне штурма.

Грета Ионкис. О сообщниках и соучастниках Холокоста.

Безответное вопрошание

«Мировые сверхдержавы фотографировали железнодорожные пути, ведущие в Освенцим и в другие лагеря смерти... Объясните мне, почему эти пути не были разбомблены?» – безответно вопрошает собравшуюся его послушать богопослушную публику Папа Римский Франциск во время очередного пастырского визита в Турин.

Знали ли сильные мира сего, которым волею исторической судьбы выпала миссия спасти мир от чумы фашизма, ужасах, царящих за колючей проволокой концлагерей и загонов гетто? Разумеется, знали – и знали не только благодаря могуществу их спецслужб, которым удавалось раздобыть куда более засекреченные сведения, чем информация о прилюдно совершаемых нацистами и их пособниками преступлениях над миллионами жертв, но и непосредственно из уст живых свидетелей кровавых побоищ, бежавших из ада концлагерей узников, пытавшихся поведать свободному миру о доселе неведомых истории немыслимых преступлениях.

Одними из первых посланников, выбравшихся из пекла ада, пытавшихся донести до сознания «прогрессивного человечества» творящееся теми, чьи предки устами славных просветителей еще сравнительно недавно предвосхищали наступление царства Разума и Справедливости на земле, были бежавшие из Освенцима узники Рудольф Верба (Вальтер Розенберг) и Альфред Вельтцер, доставившие свидетельства о происходящем в Освенциме лидерам антигитлеровской коалиции.

Составленный ими документ включал в себя подробное описание территории Освенцима, вплоть до числа печей в различных блоках крематория, в которых сжигались трупы узников, предварительно умерщвленных в газовых камерах. В нем впервые называлось число жертв Освенцима – 1 млн 765 тыс. человек.

Из воспоминаний Рудольфа Вербы:

«Восемь месяцев работал там и я. Я видел, как туда приехало 300 грузовиков. Я помогал освободить их от перепуганного и озадаченного груза. Я видел своими глазами величайший обман в мировой истории. Там-то я и понял, для чего мне на самом деле нужно отсюда убежать».

Я был полон решимости выбраться оттуда, но уже не потому, что хотел свободы для себя. Я хотел предупредить тех, кто еще не попал сюда, но скоро попадет. Ведь я знал, что они восстанут и будут драться, как дрались евреи Варшавского гетто. Узнав правду, они откажутся покорно идти на бойню».

Каждый вечер я разгружал вагоны и смотрел, как человеческий груз выстраивается для отбора. Здесь статистика, которую я так тщательно собирал, те цифры, которые я держал в голове, становились внезапно мужчинами, женщинами и детьми. Живыми людьми на волосок от смерти».

На это трудно было смотреть. Но именно это зрелище делало мою задачу такой необходимой. Перед моими глазами были люди, которых можно было спасти, если бы только хоть один человек, видевший концлагерь изнутри, мог сбежать и рассказать о них миру».

Информация, поведенная ими миру в лице его видных деятелей, судя по последовавшим результатам, никого особенно не впечатлила.

Отсутствие соответствующей реакции некоторые объясняют тем, что мир был не готов поверить в реальность творимого зла, другие полагают – миру в тот момент было не до них...

Особое место среди свидетелей – вестников из ада, принадлежит поляку, католику, просто порядочному человеку и гражданину, удостоившегося за свои деяния звания «Праведника мира» Яну Карскому.

Вероятно, по зову души, до которой дошли стенания сотен тысяч его сограждан, переодетый в форму украинского полица, он посещает застенки Варшавского гетто с тем, чтобы лично увидеть и запечатлеть здесь происходящее. Его встречают горы трупов, сброшенных в сточные канавы, умирающие скелеты с застывшим и устремленным куда-то в небо взором просящих подаяния детей, женщины в лохмотьях с безумными глазами, прячущиеся в подворотнях разрушенных домов...

Неожиданно где-то рядом раздается стрельба. Два подростка в нацистской солдатской униформе с пистолетами в руках несутся по улице.

– *Они занимаются охотой на евреев*, – объясняют Карскому сопровождающие его друзья.

Днем позже Ян Карский оказывается в Избице – на сортировочной станции, где становится свидетелем отправления узников гетто в газовые камеры концлагеря Трехлинка.

Возможно, речь идет о чем-то, что Кант подразумевал голосом нравственного императива, присущим человеку изначально, либо об ином глубоко человеческом чувстве, подвигшем его на отчаянный шаг, – он должен любой ценой вырваться из окружающего ада и сообщить «Городу и миру» («*Urbi et orbi*») о немыслимом творящемся на его земле зле, достигшем библейских масштабов.

В Лондоне Карский встречается с официальными лицами, включая министра иностранных дел Идена. Уинстон Черчилль сообщил, что, к сожалению, встретиться с ним не может из-за чрезвычайной занятости. На поведенную Карским информацию следует более чем прохладная реакция и ответ типа – *«Это все ужасно. Но мы не можем предпринимать особые меры для спасения евреев! Другие народы тоже страдают. Что скажут французы и голландцы? Не боитесь ли вы, что и ваш народ вас не поймет?..»*.

По пути в Америку он встречается с польским консулом в Канаде Бжезинским и сообщает ему:

– *В городах Восточной Польши не осталось евреев.*

– *Как это не осталось?*

Выражая легкое удивление, консул вместе с тем пытается уточнить, о чем собственно идет речь:

– *Что вы имеете в виду?..*

На беседе присутствовал его сын – Згибнев Бжезинский, будущий советник по национальной безопасности при президенте США и влиятельный политолог.

И, наконец, Карский у главной цели своего вояжа – в Вашингтоне, где 28 июля 1943 года у него состоялась историческая встреча в Овальном кабинете Белого дома с президентом США Франклином Рузвельтом.

В беседе, которая длилась около часа, он знакомит президента с ситуацией в Польше.

В одном из интервью, сообщая о встрече с хозяином Белого дома, Карский вспоминает: *«Вот он стоит перед моими глазами... Настоящий властелин мира. В какой-то момент я сообщаю ему:*

– *В Польше убивают евреев...*

– *Не беспокойтесь. Дело свободы непременно победит. Когда мы победим, все виновные будут наказаны. Мы поддержим ваш народ, вы всегда можете рассчитывать на нашу поддержку*, – слышу я в ответ.

Уйдя от затронутой темы, которая, похоже, не вызывает у него особого интереса, он вдруг обращается к Карскому с вопросом:

– *Кстати, Польша сельскохозяйственная страна – это ваших лошадей немцы используют в России?*

Р. S. Примерно за шесть недель до состоявшейся встречи Карского с Рузвельтом администрация президента создает правительственную комиссию, основная цель которой – *«спасение и защита художественных и исторических памятников в Европе»*.

Жеребцы липицианской породы

Большой любитель лошадей – генерал Паттон взволнован поступившими в его распоряжение сведениями о том, что немцы собираются эвакуировать из Вены «танцующих» белых жеребцов липицианской породы. Озабоченный судьбой животных редкой породы, он принимает необходимые меры для их спасения.

Из книги *«История Второго американского полка»* мы узнаем о дерзкой вылазке группы американских солдат в тыл противника, осуществленной во главе с опытным наездником капитаном Т. М. Стюартом. Капитану удастся убедить командира немецкого отряда – видимо, также не равнодушного к судьбе охраняемых им лошадей – о грозящей опасности подопечных ему четвероногих. По гуманным соображениям стороны приходят к мирному соглашению.

Акция по спасению лошадей липицианской породы прошла успешно. Четвероногие животные в целостности и сохранности доставлены на безопасную территорию. Дальнейшая судьба этих великолепных «танцующих» белых жеребцов не прослеживается.

Триумфальная арка

Триумфальная арка – архитектурный памятник, представляющий собой большую торжественно оформленную арку. Воздвигается при входе в города, в конце улиц, на мостах, на больших дорогах в честь победителей или в память о важных событиях.

Судьбоносный исторический поворот цивилизационного маршрута Европы запечатлен своеобразной Триумфальной аркой – незамысловатым архитектурным строением – главными воротами в лагерь смерти Биркенау (Аушвиц 2, или Бжезинка), сооружением, под которым змеится дорога, обрывающаяся тупиком у самого совершенного комплекса по истреблению людей – у фабрики смерти с производительностью десять тысяч жертв в сутки.

Как говорится – господа, приехали! Приехали вместе со своими великими прозрениями, невиданным взлетом духа, со своим гуманизмом и верой в высший божественный промысел, вместе со своими впечатляющими научными и техническими достижениями, вместе с фолиантами написанных шедевров, вместе с вдохновляющими музыкальными откровениями, вместе с идеей торжества Разума и прочими оказавшимися ничего не значащими погрешностями культурных атрибутов...

P. S. Сегодня стоило бы подумать о перемещении этих ворот – Триумфальной арки в честь чудовищной катастрофы – куда-нибудь *поцентрее*, на какую-нибудь исторически значимую площадь одного из центров европейской цивилизации.

Под звуки литавр в соль миноре...

Евреи — это черви, крысы, трихины, глисты, которых нужно уничтожать, как чуму, до последнего микроба, потому что против них нет никакого средства, разве что ядовитые газы!

Рихард Вагнер. Письмо к Козиме, 1849 год

После окончания работы над «Парсифалем» Вагнер пишет своей супруге:

«Звуки уничтожения, которые я написал для литавр в соль миноре, олицетворяют гибель всего еврейства, и, поверь мне, я не написал ничего прекраснее».

Менее чем через столетие «звуки уничтожения», написанные «для литавр в соль миноре», были услышаны продвинутыми поклонниками гуру из Байрёйта – музыкальной Мекки любителей высокого искусства. «Красота», в спасительную силу которой верили простодушные идеалисты, обнажила свою неприглядную сторону, внеся еще до конца не оцененную лепту в эпохальные преступления ушедшего века.

Из сотен интервью и бесед со свидетелями при подготовке материалов к фильму-досье «Аушвиц» Лоренс Рис, британский историк и автор документальных фильмов о Второй мировой войне, особенно впечатлен описанием «марша» опустошенных детских колясок в Освенциме:

«Подталкиваемые узниками, они, подобно воинскому подразделению — по пять штук в ряд — шествуют к месту погрузки на ближайшую станцию, с тем чтобы отправиться в Германию, где их с нетерпением ожидают новорожденные арийские малышки. Свидетели этого впечатляющего зрелища припоминают: «торжественный» парад пустых детских колясок длился около часа». (См.: Laurence Rees. Auschwitz. N. Y, 2005).

Знакомство с «экспонатами» музея Освенцим-Аушвиц, на которых представлены образцы побочной «продукции», сопутствующей массовому производству трупов, провоцирует воображение на более «величественную» картину триумфа смерти:

За движущимися со скрипом пустыми колясками с приглушенным топотом марширует всевозможных размеров и фасонов обувь — от пинеток малышей до старческих полуботинок; за ними вдогонку, ковыляя и спотыкаясь, устремляются костыли и протезы, заботливо снятые с инвалидов; далее, не нарушая общего построения, по пять в ряд подпрыгивают детские горшочки, над которыми волнообразно висят облака из женских волос — черных, светлых, седых, рыжих, реже — блондинистых оттенков.

По выбору режиссера-постановщика парада, ассортимент трофеев, свидетельствующих о масштабах одержанной исторической победы, можно расширить.

Логичным на параде победы смерти над жизнью является присутствие шкатулок, наполненных золотом, добытым из ртов поверженного в прах противника, тем золотом которому предстояло отправиться в виде слитков на вечное хранение в банки самой нейтральной страны в мире — Швейцарии. Замыкают парад безликие вазы с пеплом сожженных жертв.

Шествие совершается под торжественные звуки уничтожения *литавр в соль миноре из Парсифала* в исполнении оркестра самоиграющих инструментов, владельцы которых созерцают происходящее с высот устремившихся в небеса клубов пламени и пепла, вырывающихся из труб крематориев.

Мистерия «четвертого Рима»

Мысленно перенесем происходящее действо на площади и улицы Берлина – очередного претендента на реинкарнацию Древнего Рима. На фоне всеобщего торжества ненависти, сопровождаемого римским жестом протянутой руки и имперским возгласом «Хайль!», триумфальное шествие артефактов уничтоженного ненавистного народа достигает своей кульминации. Каждый правоверный берлинец в этот момент в состоянии катарсиса как бы переносится в Рим эпохи Тита – триумфатора победы над неумной Иудеей.

При этом, как истинный патриот фатерланда, особое чувство гордости он испытывает от того, что, в отличие от римского полководца, не сумевшего довести одержанную над иудеями победу до полного их истребления, нацистский триумф возвещает миру долгожданную «благую весть» – об «окончательном решении» «извечного вопроса».

Р. S. В порядке напоминания: более трех тысячелетий тому назад египетский фараон Мернептах опрометчиво поспешил запечатлеть «окончательную победу» над народом Израиля на стеле, найденной в поминальном храме в Фивах: *«Израиль уничтожен и потомков его не существует»* (1219 год до нашей эры).

Глава IX

Проект века

*И был вечер. И было утро: день икс. И сказал: «Да будет концлагерь смерти!» И увидел, что это абсолютное зло. И сказал: «Да будет!»
(XXX)*

«По воле РФСС (рейхсфюрера СС – Генриха Гиммлера) Освенцим стал величайшей фабрикой смерти всех времен. Когда летом 1941 он лично отдал мне приказ подготовить в Освенциме место для массовых уничтожений и провести такое уничтожение, я не имел ни малейшего представления об их масштабах и последствиях. Пожалуй, этот приказ содержал в себе нечто необычное, нечто чудовищное. Но мотивы такого приказа казались мне правильными». (Рудольф Гесс)

Как-то подсудимый палач концлагеря Треблинка комендант Штангль раздраженно бросил бравшей у него интервью журналистке:

«Все, что я делал по доброй воле, я делал, как мог, хорошо».

Из той же породы «людей», гордящихся перфекционизмом исполнения порученной им работы, был и Рудольф Гесс.

С энтузиазмом, достойного лучшего применения, в должности коменданта вверенного ему предприятия он приступает к реализации проекта века:

«Я должен был в кратчайшие сроки создать транзитный лагерь... из существующего, хотя и застроенного хорошо сохранившимися зданиями, но совершенно запущенного и кишящего насекомыми комплекса... С самого начала мне стало ясно, что из Освенцима что-то полезное может получиться лишь благодаря неустанной упорной работе всех – от коменданта до последнего заключенного».

В поте лица

Превращение Освенцима в «что-то полезное» потребовало максимальной мобилизации творческих усилий и незаурядного трудолюбия:

«... Чтобы иметь возможность впрячь в работу всех, мне пришлось покончить с устоявшимися традициями концлагерей. Требуя от подчиненных высшего напряжения, я должен был показывать в этом пример. Когда будили рядового эсэсовца, я вставал тоже. Прежде чем начиналась его служба, я проходил рядом, а уходил позже. Редкая ночь в Освенциме обходилась без того, чтобы мне не позвонили с сообщением о чрезвычайном происшествии».

По мере реализации амбициозного проекта, когда идея превращения «транзитного лагеря» в комбинат уничтожения узников обретает материальное воплощение в возведенных корпусах газовых камер и крематориев с пропускной способностью до десяти тысяч узников в сутки, герр палач, то ли в собственное оправдание, то ли желая кого-то в чем-то убедить, в полуисповедальной тональности признается:

«Я все хорошо видел, порой слишком хорошо», но *«ничего не мог поделать»*, – и никакие катастрофы не могли остановить его на этом пути.

Печи крематория в «облегченном варианте...»

Массовая утилизация трупов путем сожжения на открытом воздухе вызывает определенные трудности: *«При плохой погоде или сильном ветре запах сжигаемых на костре трупов разносился на много километров вокруг, и все местное население говорило о сожжении евреев, несмотря на встречную пропаганду со стороны партии и административных инстанций».*

Кроме того, против ночных кострищ возражает противовоздушная оборона: *«Чтобы не задерживать прибывающие транспорты, приходилось сжигать и по ночам тоже».*

С логистикой, то бишь с транспортировкой груза тел, обеспечивающих бесперебойное горение костров, вроде бы особых проблем не было: *«График отдельных акций, который был утвержден на конференции в Министерстве путей сообщения, должен был строго соблюдаться во избежание заторов и неразберихи на дорогах – прежде всего, по военным соображениям».*

Тем не менее возникающие проблемы, связанные прежде всего с растущим масштабом производства трупов, подтолкнули *«к ускоренному планированию и, наконец, строительству двух больших крематориев».*

Зимой 1942/1943 были построены два больших крематория I и II, а весной 1943 их ввели в действие. Они имели пять 3-камерных печей и могли сжечь в течение 24 часов около 2 000 трупов. Оба крематория I и II имели подземные раздевалки и газовые камеры, которые можно было и проветривать, и делать герметичными. Трупы к находившимся выше печам подавали на подъемниках. В газовых камерах можно было одновременно поместить до 3 000 человек. В двух маленьких крематориях III и IV можно было, согласно расчетам строительной фирмы «Топф Эрфурт», сжигать 1 500 трупов в течение 24 часов.

«Из-за нехватки материалов, вызванной военным временем, – сетует герр комендант, – при строительстве III и IV пришлось экономить, поэтому раздевалки и газовые камеры располагались наверху, а печи были созданы в облегченном варианте...»

Из протокола допроса Ф. Зандера

Зандер Фриц, 1876 г.р., уроженец г. Лейпцига, немец, образование среднее, техническое, женат, служащий. Арестован 8 марта 1946 г. по обвинению в том, что он, работая главным инженером на заводе фирмы «Топф Эрфурт», рассматривал и утверждал проекты строительства печей-крематориев, вентиляционных установок и воздуходувов как к печам-крематориям, так и к газовым камерам, сконструированных на указанном заводе и предназначавшихся для концлагерей Бухенвальд, Освенцим, Дахау, Гросс-Розен и Маутхаузен.

Вопрос: *Уточните, когда вы имели разговор с инженером Прюфер[ом] о том, что вследствие маломощности построенных вами печей-крематориев они не успевают сжигать наличие трупов в концлагерях?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.